

**ОЛЕГ ПАЛЕК
НА ДНЕ ПУСТЫНИ**

Олег Палёк
На дне пустыни

«Автор»

2026

Палёк О. А.

На дне пустыни / О. А. Палёк — «Автор», 2026

Готово ли человечество встретить нечто опасное, что существовало задолго до его появления? Марс. Колония «Мир Минимума». Город под куполом на грани вымирания. Главная угроза человечеству – не голод, не распри, не диктатура. Это Субстрат. Древний марсианский пожиратель миров. Разумный и беспощадный. Его планы на человечество не оставляют места для переговоров. Его цель – не победа, а полное уничтожение всего чужого. Это научно-фантастический роман о цене выживания, природе разума и готовности встретить иное, где психология власти сталкивается с биологией чужой планеты. Это эпическая сага о любви, разорвавшей миры, о долге, который тяжелее предательства, и о последнем полете к истокам человечества. Это история о том, что иногда, чтобы спасти свой народ, нужно стать его величайшим врагом. Фантастика в духе «Дюны», «Детей времени» и «Пути Пустоши». Идеально для поклонников сложных миров, биоинженерии, политических интриг и персонажей, чьи моральные выборы не имеют легких ответов.

© Палёк О. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Краткое содержание первой книги Мира Минимума «На дне Марса»	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	45
Глава 8	48
Глава 9	56
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

О. Палёк

На дне пустыни

Краткое содержание первой книги Мира Минимума «На дне Марса»

Действие романа происходит через столетия после колонизации Марса. На Земле экологическая катастрофа, связь с ней потеряна. Сто тысяч колонистов выживают на Марсе в городе на дне каньона Маринер под властью «Церкви» – жесткого режима, контролирующего все ресурсы. За пределами города обитают пустынные бадавии и дикие орды южан.

Трое друзей-клириков Академии – Имба (сила), Ликон (хитрость) и Чипка (интеллект) – в составе Сопrotивления ведут борьбу с деспотией Церкви, движимые чувством справедливости и личной мстью. Во время подземного рейда они обнаруживают девушку Ладу, замороженную 35 марсианских лет назад. Ее пробуждение запускает цепь событий, в которые оказываются втянуты Церковь, Сопrotивление и бадавии. Лада становится ключевой фигурой в борьбе за будущее Колонии.

Обнаружение разбившегося земного корабля обостряет противостояние: Церковь хочет использовать его запчасти для починки реактора – основы жизни города; генерал Воздуха Динмод планирует захватить оружие корабля и зарыться в подземелья, обрекая колонистов на гибель; Лада мечтает восстановить корабль и вернуться на Землю.

Чипка взламывает сеть Церкви и раскрывает секрет «Голоса Бога» – тайного советника Верховного Жреца. Ликон ищет убийцу отца, Имба готовится к решающей схватке. Динмод начинает переворот. Все главные герои оказываются в эпицентре событий, но их планы рушатся: Лада оказывается дочерью Верховного Жреца, он передает ей власть. Имба попадает в плен, но с помощью Ладy ему удается бежать в пустыню. Искалеченный Ликон попадает в плен к Кадару, бывшему подчиненному Динмода.

Глава 1

Чтобы услышать землю, нужно сначала перестать слушать себя.

Имба просыпался снова и снова, каждый раз погружаясь в одно и то же: плотную темноту, тесноту пространства, странные запахи. Он смутно помнил, как его поднимали, поили чем-то горячим и тихо говорили, но слова растекались в сознании, не оставляя следа. Он жадно глотал и снова проваливался в глубокий сон. В конце концов, тело взбунтовалось, потребовав окончательного пробуждения, и разум нехотя подчинился.

Воин распахнул глаза. Над ним смыкался низкий, неровный свод пещеры, вырубленный в скальной породе, плотно заросший темной растительностью. Воздух был влажным, пропитанным запахом сырой земли, глины и чего-то живого. Свет рождался здесь же, он струился из массивных, причудливо изогнутых колонн, будто выросших из пола. Это было мягкое, рассеянное, почти теплое сияние. Имба лежал на широком ложе, сплетенном из упругих гифов. Они дышали и нежно шевелились, касаясь его кожи. Он попытался приподняться, но нити мягко, но неумолимо стянулись, удерживая его. Имба напряг мускулы и рванулся с силой. Раздался тихий, влажный хруст, будто ломались ветки дерева.

Из глубины помещения послышались неторопливые, уверенные шаги. В полумраке, озаренном лишь светом колонн, возник мужчина.

– Полегче, сынок, полегче, – прозвучал голос, от которого что-то дрогнуло в самой глубине памяти. – Симбионт не любит, когда его ломают.

Незнакомец ласково провел ладонью по ближайшей колонне, и та в ответ вспыхнула ярче, осветив пространство. Затем он махнул рукой в сторону лежанки, и живые гифы послушно разошлись, освобождая Имбу. Тот поднялся, растирая онемевшие руки и спину.

Мужчина присел перед ним на корточки. Его облик был типичен для пустытника-бадавия: практичный костюм из плотной, потертой ткани темного цвета, капюшон откинут за спину, глаза скрыты за затемненными стеклами защитных очков. Кожаные, грубо сшитые ботинки, на поясе – несколько сумок с угловатым содержимым. Лицо изрезано глубокими морщинами, кожу обожгли ветры и солнце пустошей. Небольшая, аккуратная борода придавала лицу суровую основательность. На щеке белела бледная полоса – след от ношения ИГК, но не такая резкая и воспаленная, как у жителей города.

– Кто вы? – спросил Имба, и в его голосе прозвучало не только недоумение, но и настороженность.

– Все еще не узнал? – Собеседник усмехнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщин. – Я твой отец, Се Тер.

Воин вздрогнул и впился взглядом в это лицо. Да... что-то неуловимо знакомое, будто тень из самого детства, мелькнуло и исчезло. Но это невозможно! Его отец погиб, когда Имбе было всего три года¹, тело так и не нашли. Инстинктивно он сложил пальцы обеих рук в знак защиты от ереси.

– Отец?! Ты же... ты погиб в завале много лет назад!

– Как видишь, нет, – в спокойном голосе Се Тера прозвучала усталая ирония.

Имба провел рукой по своим спутанным, давно немытым волосам, пытаясь совладать с нахлынувшим водоворотом чувств.

– Что же ты молчал все эти годы?!

¹ Марсианский год (сол) равен двум земным. Подробно о календаре колонистов и их обычаях см. первую часть серии.

– Будет длинное объяснение, сынок. Но сначала короткий обед. – Он обернулся, и в промежутке появилась женщина с деревянным подносом в руках. Ее лицо было удивительно спокойным и добрым. – Я отойду по делам. Приведи себя в порядок. Умывальник в углу. Там же лежит смена одежды. Свою положи на корень, ее стирают.

– Мне нравится моя одежда, – возразил Имба, проводя ладонью по грубой ткани формы клирика Церкви.

– Да, только в ней ты провел неделю в тюремной камере, двое суток блуждал по пустыне, а потом еще несколько дней пролежал здесь в горячем бреду.

Имба сдался:

– Хорошо... отец.

Се Тер вышел. Женщина, не произнеся ни слова, плавным движением руки указала на пустое место на полу. Оттуда стали подниматься тонкие, гибкие побеги. Они переплелись в причудливый, но устойчивый маленький столик. Она поставила на него поднос и также бесшумно скрылась в полумраке.

На деревянных тарелках лежали ломтики темного мяса, несколько пупырчатых фруктов незнакомого вида и глиняный кувшин. Аромат был густым, пряным, вызывающим слюну. Стула не было, как и привычных приборов. Голод оказался сильнее условностей – Имба встал у столика и начал есть руками, чувствуя, как сила понемногу возвращается в тело. Он запил еду водой из кувшина, выпив до дна.

Закончив, парень направился в указанный угол. Там меж переплетений гифов в стене торчал толстый, узловатый корень. Больше ничего. Имба вздохнул, припоминая слова Лады о том, что в Обители многое подчиняется воле и воображению. Он сосредоточился, пытаясь представить себе обычный городской кран, из которого течет струя воды. Корень судорожно дернулся и скрутился в причудливый узел. В тот же миг часть стены бесшумно раздвинулась, и на пороге возникла женщина. Она мягко улыбнулась, коснулась ладонью корня – и из его складок, будто слезы, полилась чистая вода. Потом она шагнула назад, и стена сомкнулась за ней, не оставив и следа от прохода.

Воин сбросил с себя грязную одежду и приступил к умыванию. Вода, струившаяся из живого корня, была прохладная и душистая, приятно пенилась на коже, смывая не только грязь, но и тяжкий налет усталости. Она впитывалась в почву без остатка, не оставляя даже малой лужицы, будто сама земля жадно пила эти капли. Рядом, у основания корня, его ждал сверток: практичный пылезащитный комбинезон темно-красного цвета, точь-в-точь как у бадавиев. Он переоделся, предварительно обшарив карманы старой одежды. Пусто, лишь ремонтный набор для ИГК. Должны были быть ножи, веревка, фляга... что-то еще. Он не помнил, было ли все это с ним, когда его нашли, или растерял, когда убежал от офицеров Церкви.

Имба попытался повторить трюк женщины – мысленно приказать стене раздвинуться, но та оставалась монолитной и равнодушной к его внушению.

– Не стоит пока выходить наружу, – прозвучал за его спиной спокойный голос.

Имба обернулся – он не слышал ни шагов, ни шороха. Сетер стоял в нескольких шагах, возникнув будто из самой тени.

– Здесь Симбионт слушается Лаку – ту женщину, что принесла тебе еду. – Отец мягко указал на пол. Из земли мгновенно выросли два плетеных стула. – А снаружи ты чужой. А все чужие подлежат уничтожению. Поверь, стать обедом для Симбионта – не самая приятная смерть. Садись.

– Где я? – спросил Имба присаживаясь.

– В моей Обители. Здесь я Отец, а Лака – Мать. Ла Да тебе что-нибудь рассказывала?

– Очень мало. А вы... знаете Ладу?

Уголки губ Сетера дрогнули.

– Кто не знает Арасуль-посланницу? Почему ты зовешь ее Лада, а не Ла Да? У нас, бадавиев, можно называться как угодно, но горожане не любят слитых имен. Где твое уважение к Верховному Жрецу?

Имба выпрямился, и в его голосе прозвучала гордая, почти с вызовом брошенная нота:

– Она моя девушка!

Сетер сухо и беззвучно усмехнулся.

– Арасуль – Мать всех матерей. Она не может быть чьей-то *девушкой*. Но это... мы еще обсудим. Что привело тебя в пустыню?

Имба пожевал губами. Как будто отец не знает, что в пустыню его сын пришел не по своей воле.

– Я не поладил с Церковью. Верховный... Николай хотел меня тихо убрать, а Лада решила спасти. А что, сейчас *она* Верховный?

– Официально передача власти не оформлена, но матери говорят, что Лада станет во главе Церкви, а прежний Верховный – ты назвал его Николаем? – будет лечиться. По мне, лучше вечно.

Имба поправил непривычную одежду. Китель клириков предназначен для города, где довольно тепло и нет пыли. Плотный шерстяной костюм бадавиев казался ему чересчур жестким. Но сейчас его интересовали более насущные вопросы.

– Вы точно мой отец?

Сетер нахмурился, но пауза была краткой, почти мгновенной:

– Та Ра – моя жена, а ты – ее сын и мой.

Имба опешил. В его глазах мелькнула давно похороненная надежда.

– Мама... тоже жива?!

Отец тяжело вздохнул, и в этом вздохе слышался груз многих лет.

– К сожалению, нет. Как ты знаешь, мои остатки после взрыва не обнаружены, а ее... во множестве. Она не могла выжить.

Воин отвернулся. Молчание длилось несколько секунд. Потом он проговорил, не глядя на отца:

– Почему ты бросил меня?

– Бросил? – В голосе Сетера прозвучало удивление. – Тебя приняли в Академию, на твои шалости закрывали глаза. Все это благодаря поддержке бадавиев.

– А Лада говорила, что это благодаря Церкви.

– И это тоже. Ты центр приложения многих сил.

Имба резко вытянул руку, обвиняюще указывая пальцем в сторону отца.

– Но я даже не знал, что ты жив! Мне нужен был отец, а остального... остального бы я добился сам.

Сетер постучал костяшками пальцев по поверхности плетеного стола. В ответ из него вырос стебель с утолщением на конце. Он отломил его, погладил углубление – получилась изящная курительная трубка. Задумчиво поднес к губам, но затем, будто очнувшись, отбросил прочь. Трубка растворилась в переплетении гифов.

– Старая привычка, – пробормотал он себе под нос. – Семь лет не курю, а вот все... Ты подумал о последствиях, если бы знал о моем существовании в три года? Церковь использовала бы тебя как заложника для давления на бадавиев.

Имба пристальнее всмотрелся в лицо человека напротив. Черты были изрезаны морщинами, но взгляд – жесткий, пронзительный. Он представлял отца более... заботливым, что ли. А этот человек больше думает о племени, чем о сыне. Или таковы все лидеры?

– Вы были настолько важны?

– Достаточно важным, чтобы уничтожить всю мою семью. Вместе с Бер Мером, отцом Ли Кона, мы хотели перераспределить ресурсы Церкви. Пока бедняки умирали от голода и жажды, верхушка жировала, купаясь в излишествах. И Дин Мод...

– Верховный сказал, что он погиб во время восстания.

Сетер лишь пожал плечами, и в этом жесте была целая вселенная усталого безразличия.

– Неважно. Церковь – многоголовая гидра: отрубишь одну голову – вырастут две новые. Я понял, что изнутри ее не победить, и ушел в пустыню.

– Ты бросил семью! – вырвалось у Имбы, и в этих словах звучала боль, копившаяся годами.

– Моя семья больше, чем ты можешь представить, – спокойно, почти отрешенно возразил отец. – Вы, горожане, думаете, что Колония – пуп мироздания, когда как важнейшие события проходят мимо вас, за границами вашего купола. Ты в этом скоро убедишься.

Воин пожал плечами, ощущая непривычную скованность нового костюма.

– Город, пустынники... Кто еще?

– Только бадавиев миллион. А еще есть южане, дикие орды с их странными обычаями. По некоторым данным, их больше, чем всех нас вместе взятых. Церковь заперлась в своей Академии, укуталась в ритуалы и думает, что Колония – это и есть весь мир. Брачная возня пустынных тушканчиков.

Имба почувствовал, что его мир стремительно расширяется. Но почему же он так мало слышал о бадавиях, и совсем ничего о южанах? Церковь говорила, что дикари не имеют значения для выживания Колонии и нет смысла тратить ресурсы на их изучение. Люди должны покорять природу, а не приспосабливаться к ней. За миллионы лет приспособления к природе численность людей на Земле оставалась на уровне сотен тысяч. А всего за несколько тысяч лет – с освоением технологий – она выросла до миллиардов.

– Город дает всем кислород! – выпалил Имба, и в его голосе зазвучала защитная, почти детская уверенность в незыблемости привычного порядка. – Без нас здесь не выжить!

– Когда ты умирал на краю пустыни, кто дал тебе глоток кислорода? Город? А теперь? – Отец широким жестом обвел пространство комнаты. – Мы в сотне километров от ближайших стен. Снаружи лишь семь процентов кислорода, а здесь?

– Девятнадцать, – не задумываясь, выпалил Имба.

– А в городе десять-пятнадцать? И без ИГК там не прожить и часа. Где же ваш дармовой кислород? Ладно, оставим препирательства. Ты пока слепой щенок, твоя агрессия от незнания. Для начала тебе предстоит научиться общаться с Симбионтом хотя бы на базовом уровне, иначе ты из этой комнаты не выйдешь. Лака, прошу тебя, я знаю, ты все слышишь.

На этот раз женщина вошла обычным путем – через дверь, без призрачных материализаций.

– Это Лака, – произнес Сетер, и его голос внезапно стал тихим, почти благоговейным, – мать этой обители. Она хранит знания, которые тебе и не снились. – Он повернулся к женщине: – Уважаемая Мать, прошу вас, познакомьте нашего гостя с Симбионтом Обители.

Женщина коротко кивнула. Сетер вышел, а она опустила в плетеное кресло, которое тут же выросло из пола с тихим шорохом. Теперь Имба мог разглядеть ее получше. Мать была невысокой, коренастой женщиной, с кожей цвета высохшей глины на закате – темной, потрескавшейся, хранящей память о бесчисленных ветрах. В глазах плескалась мудрость, старше самих песков. Волосы, заплетённые в толстые тяжелые косы, украшали перья и пустотелые стеклянные бусины; те мерцали тусклым, таинственным светом, будто заключали в себе крошечные погасшие звезды. Однако больше всего Имбу поразило дыхание матери – размеренное и глубокое. Она дышала так, словно вбирала силу не только из воздуха, но и из самой плоти земли.

Лака заговорила не сразу. Она долго смотрела на Имбу оценивающим взглядом, будто сканировала не тело, а самую душу, читая потаенные страхи и сомнения. Потом медленно подняла руку и потянулась к нему. Ее пальцы были длинными и удивительно тонкими. Воин замер, не зная, как реагировать. Он чувствовал себя голым и незащищенным под этим всевидящим взором. Потом он рванулся назад, но Лака уже положила ладонь ему на плечо. Ее прикосновение было прохладным и твердым, как отполированный камень.

– Не бойся, – сказала она, и ее голос прозвучал как шелест песка по скале. – Прикоснись ко мне. Почувствуй связь.

С неохотой, преодолевая внутренний спазм, Имба протянул свою руку и коснулся кончиков ее пальцев.

Мир распался. Его сознание захлестнула волна ощущений – словно он стоял не на полу, а на живом теле земли. Шепот ветра, далекие голоса и ритм подземных корней смешались в едином потоке информации и эмоций. Перед ним мелькнули образы древних поселений, песни забытых племен, боль умирающего растения и радость оживающей грибницы. Он почувствовал невидимые нити между пустыней, бадавиями и Субстратом. Все было связано, и он стал частью этого единства – пусть лишь на миг.

Имба рванул руку назад, будто обжегся. Он тяжело дышал, сердце колотилось где-то в горле. В глазах стояли слезы от переполнения эмоциями и переживаниями. Он чувствовал себя одновременно опустошенным и переполненным чужими жизнями.

– Что... что это было? – выдохнул Имба, и его собственный голос показался ему слабым и далеким.

– Это память земли, – ответила Мать. Ее голос звучал теперь иначе – низко, глухо, будто рождался не в гортани, а снаружи. – И ты теперь прикоснулся к ней. Симбионт – не просто живое существо, Имба. Это коллективный разум. Сеть сознаний, сплетенных воедино. Они хранят то, что люди давно забыли. И они могут открыть тебе настоящий мир.

– Но... как? – сдавленно спросил Имба, все еще пытаясь прийти в себя. – Как с ними говорить? Я ничего не понял! Там был только шум!

Лака снова посмотрела на него. В глубине ее древних глаз мелькнула тихая жалость.

– Ты уже начал, дитя. Прикосновение – лишь первый шаг, приоткрытая дверь. Теперь нужно научиться слушать. Слушать не ушами, а кожей, мышцами, каждой клеткой. Отпустить человеческий разум и позволить земле говорить. Слышать ее ритм.

Она плавно протянула руку к одному из гибких стеблей, что вились у ее ног. Тот вздрогнул, затрепетал и вдруг распустился в огромный, сияющий цветок. Его лепестки переливались всеми оттенками угасающего солнца – от кроваво-красного до нежного шафранового. Лака коснулась его, и цветок ответил вибрирующим звоном, который повис в воздухе, как нить нанопленки.

– Вот его язык, – прошептала она, и звон вторил ее словам. – Он не из слов, а из вибраций. Из запахов, что ты еще не различаешь, из колебаний давления и тепла. Тебе предстоит научиться чувствовать его. Слушать музыку, что играет в тишине.

Она вновь коснулась цветка. Тот откликнулся сложной вибрацией, невидимым узором звука. Имба ощутил, как его разум перестраивается, паника исчезает, чувства обостряются. Он различал аккорды, запахи сырой глины, пыли, нектара и чего-то древнего. В сознании прозвучал беззвучный голос: «Земля помнит, земля знает». Воин застыл, не находя слов для ответа. Лака улыбнулась уголками губ, и в этой улыбке была тихая, все понимающая радость.

– Ты слышишь, – сказала она, и ее слова прозвучали как констатация факта. – Ты начинаешь понимать.

– Понимать цветок? – удивился Имба.

– Цветок лишь символ, хотя и важный. В Черной Книге сказано, что Великое Откровение придет к Пророку через цветок пустыни. Но в пустыне не растут цветы, поэтому это будет чудом. Ты начинаешь понимать Симбионт.

Имба заметил, что Сетер вернулся. Отец стоял в дверном проеме, внимательно наблюдая за происходящим. На его лице застыло выражение глубокой, почти скорбной серьезности. Он знал, что его сын сейчас стоит на пороге мира, где законы города теряют всякий смысл. Что этот миг может перевернуть не только жизнь Имбы, но и хрупкое равновесие всего, что они знали. Но он также знал и другое: путь к истинному пониманию Симбионта не будет усыпан цветами. Он будет долгим, тернистым и потребует от мальчика всего, что у него есть.

– Это только начало, – тихо сказал Сетер, нарушая тишину. – Но запомни: Симбионт ничего не дает просто так. Он требует взамен уважения, заботы и защиты, иногда даже ценою жизни.

Имба не стал спорить. Внутри него, поверх смятения и страха, начало медленно подниматься новое, незнакомое чувство, тяжелое и легкое одновременно. Чувство ответственности. Не за себя, не за отца, а за землю под ногами, за каждый шепот в песке, за каждую пульсирующую нить жизни в темноте. Он понял с ледящей ясностью: его старая жизнь в стенах города закончилась навсегда. Перед ним открывался новый мир.

– Ты говоришь о Симбионте, – начал он, голос еще дрожал, но в нем появилась твердая нота, – но упоминал Субстрат. Это одно и то же? И... грибница?

Сетер обменялся долгим, многозначительным взглядом с Лака и тяжело вздохнул, будто готовясь произнести давно заученную, но от этого не менее горькую истину.

– Мальчик сразу находит норы тушканчиков, – сказал он. – Нет, Имба. Субстрат – это дикая сила, сродни Симбионту. Иногда он друг, указывает тропы, предостерегает. Иногда – враг, затягивает в туннели, губит урожай. Говорят, на юге с ним нашли общий язык, но наши Матери не могут тянуть нить так далеко – знаем только слухи. А грибница... – он посмотрел на светящиеся нити в стене, – это часть Симбионта. Она строит наши дома, дает воздух и пищу. Мы заботимся о ней – поим, освещаем, кормим. Это симбиоз. Для нас грибница и есть Симбионт.

– И есть еще кое-что, – мягко, но властно добавила Лака. – Мы все поклоняемся Двуетидному. – Она медленно сжала правую руку в кулак, оставив поднятыми лишь указательный и средний пальцы – древний, как сама пустыня, жест: «Верую в Двуетидного». – Но, чтобы понять бадавиев не умом, а сердцем, тебе нужно погрузиться в наши корни, изучить Черную книгу. Это откровение Двуетидного, которое Он дал нашим предкам.

Ла Ка протянула руку к стене. Грибница расступилась перед ее пальцами как вода. Из толщи стены она извлекла небольшую книгу в черной обложке без названия.

– Здесь собраны наши верования, законы и пророчества, – сказала она, протягивая книгу Имбе. – А главное – сказание о пришествии Спасителя. Если на то будет воля Бога, им станет сын бадавия. Поэтому ты тоже часть этой книги. Прочти ее. Вдумайся в каждую строку.

Воин взял книгу. Кожаный переплет был теплым на ощупь, будто живой. Он склонил голову, не находя подходящих слов для ответа. На сегодня с него было достаточно: слишком много новых миров, голосов и истин обрушилось на него. Его сознание было переполнено до краев, и тихий шелест страниц в его руках казался теперь самым громким звуком во вселенной.

Дни для Имбы тянулись бесконечно, словно капля смолы по мертвому стволу дерева у берега Маринер. В просторном зале под мягким светом царил сосредоточенность: бадавийские дети сидели на циновках, учась входить в связь с Симбионтом, пронизывающим Обители. Они учились слышать друг друга без слов, сливаться с невидимой грибницей, что жила в стенах и воздухе.

Имба держался особняком. Его крупные плечи казались неуклюжими в ученическом одеянии, взгляд – слишком настороженным для этого места. Он не переносил обучение, ненавидел ощущать себя чужим среди детей, для которых связь с грибницей – врожденный навык. Он подошел к отцу, сидящему на возвышении с озабоченным лицом. Сейчас он казался старше: морщины, усталость, но взгляд оставался пронизательным.

– Ты расстроен, сын? – спросил Сетер, не отрывая взгляда от детей. Его голос был тих, но в нем чувствовалась сила.

Имба мотнул головой, с трудом подбирая слова.

– Я... я чувствую себя бесполезным здесь. Я не понимаю этих упражнений. Дети делают это так легко...

Сетер усмехнулся, и в его глазах мелькнула тень грусти.

– Ты помнишь ту историю о моем спасении от преследований Церкви?

Имба не понимал, почему Сетер вновь и вновь возвращается к этим событиям. Отец поведал о предательстве и обвале, о тяжелом ранении и оставлении на верную смерть. Он описал, как его нашел и исцелил бадавий, применивший древнюю мудрость о грибах-симбионтах.

– Я оказался здесь не случайно, Имба, – попыток Сетер. – Меня привели сюда те, кто знал о моей связи с Симбионтом. Они видели во мне потенциал, который я сам не осознавал. Ты знаешь, что Церковь охотилась на меня из-за моей генетики? Им были нужны не мои способности, а мои дети. Они утверждали, что так приказал Голос Бога.

Имба знал это, но никогда не задумывался об этом в контексте своего будущего. Теперь же эти слова падали в его сознание, как камни в темный колодец, и эхо от них было глухим и тревожным.

– Я симулировал свою смерть, чтобы защитить тебя. И оказался в пустыне, измученный и раненый, где Симбионт спас мне жизнь. Я ушел из города, чтобы оградить тебя от этой боли, от этого бремени. Я думал, что ты будешь лучше жить в мире, где нет места для войны и предательства.

– Но я не живу в таком мире, – возразил Имба, и в его голосе впервые прозвучала твердость, выкованная из обиды и жажды правды. – И я хочу знать правду о своем происхождении.

Сетер сделал утвердительный жест, понимая боль сына. Его глаза смягчились, но в них не было снисхождения, лишь признание неизбежного.

– Ты знаешь, что Обитель – это не просто место жительства бадавиев. Это другой мир, не как у горожан. Но ты... ты не такой, как они. Ты дитя двух миров, Имба. Твой отец бадавий, а мать – горожанка. Город для пустынников по-прежнему большая тема, потому что когда-то он отринул их, а потом пытался отнять последнее.

Имба покачал головой. Даже среди своих он всегда оставался чужим. Теперь понимал – он был мостом между мирами, не принадлежащий ни одному. Его кровь скрепляла пустынный песок и городские камни цементом еще неведомого знания. Бадавии считали себя марсианами, но не колонистами. Они считали себя хозяевами Марса. Для горожан же они оставались дикарями.

– Тебе предстоит многому научиться, сын, – продолжил Сетер. – Но главное... тебе нужно пережить процедуру прорастания грибницы Симбионта в своих легких. Это будет больно, но только так ты сможешь стать частью этого мира... или навсегда остаться изгоем на его пороге. Бадавии будут видеть в тебе чужака, а Симбионт почует в тебе лишь еду. Соплеменники могут защитить тебя на некоторое время, как я сейчас, но ты не сможешь так жить постоянно.

К Сетеру приблизился один из воинов, молча протянув тканевый мешок. Отец склонил голову и шагнул к сыну.

– Это передал Конан. В городе к нему подошел некий Чипка и сказал, что твои вещи.

Имба развязал шнурки мешка. Внутри лежал мобильный телефон с зарядкой. Парень нажал на кнопку, и на экране проступили слова: «Имба, надеюсь, ты жив-здоров. Пусть этот телефон хранит твои заметки и снимки. Это пригодится всем нам». Сердце Воина екнуло, сжавшись теплой волной: друг его помнил. Это хорошо. Он будет записывать, хотя, где искать розетку в пустыне, оставалось загадкой.

Дни потекли чередой изнурительных боевых тренировок. Имба метался по площадке, пытаясь укротить клинки, но подростки-бадавии обтекали его, как тени, – быстрые, невесомые, насмешливо ловкие. Он злился, скрипел зубами, чувствуя себя неуклюжей веткой посреди отточенного вихря. Но внутри, под слоем ярости и усталости, начало шевелиться что-то новое, что-то тихое и странное. Он стал улавливать намерения других – едва уловимый шепот, проникавший прямо в сознание. Это позволяло предугадать движения и удары противников.

Иногда приходил Конан, он рассказывал мифы бадавиев. Вокруг него всего собиралась толпа, внимающая талантливому рассказчику. Однажды он подошел к Имбе и положил руку ему на плечо.

– Я вижу, ты постигаешь наш путь. Мы учимся не махать железом, а чувствовать мир. Твоя... спутница Арасуль, схватывала также быстро.

– Вы знали ее? – Имба встрепенулся, и в его глазах вспыхнул огонек.

– Как же. Это я встретил ее первой у люка и провел к Матери Обители Посланницы. Наши матери пророчили, что Спаситель родится от Арасуль и нашего вождя... – Конан пристально посмотрел на Имбу. – Но глядя на тебя, я уверен – отцом будешь ты.

Надежда заполнила сердце Имбы. Может, здесь, в этом мире древних тайн и тихих угроз, он найдет свое место. Может, станет чем-то бóльшим, чем просто воин с кулаками. Он был готов.

Глава 2

Материнство – это диалог с будущим, в котором первое слово принадлежит не тебе.

Боль ударила в голову молотом. Девушка застонала, прижав ладони к вискам. Это была не просто боль – она разрывала изнутри, заставляя чувствовать себя чужой в собственном теле. Будто незваный гость вломился в ее разум и теперь методично крушил все вокруг. Лада, Верховный Жрец, привыкла к грузу решений, к давлению власти, к тысячам взглядов, жаждущих ее слова. Но эта агония оказалась иной – примитивной, всепоглощающей, стирающей все, кроме страдания. Она с трудом приподнялась на локте, и ее пальцы задрожали, как на морозе.

– Вызовите медика, – прохрипела она, и собственный голос показался ей доносящимся издалека.

Вскоре в покои вошел доктор Ай Рик, а за ним – глава разведки, Ле Та. Лицо врача было бледным от тревоги, тогда как Лета сохраняла привычную ледяную маску, лишь цепким взглядом окидывая комнату.

Обезболивающее подействовало быстро, превратив раскаленную боль в глухой, назойливый зуд, но не прибавило ясности. Айрик провел осмотр: пощупал пульс, послушал сердце, заглянул в зрачки.

– Все показатели в норме, Верховный Жрец Ла Да, – наконец сказал он, и в его голосе прозвучало недоумение. – Сердцебиение ровное, давление стабильное, никаких признаков воспаления или физических повреждений. Организм функционирует идеально для вашего срока беременности.

Лада нахмурилась, чувствуя, как под кожей снова начинает ползти холодок страха.

– Идеально? Тогда что это?

– Необходимо полное обследование в лабораторном комплексе, – Айрик нервно потерял фонендоскоп на шею. – Возможно, потребуется анализ нейронной активности.

Она кивнула, подавляя вспышку беспомощной ярости. Под охраной двух молчаливых охранников она направилась в Орден Знаний. В стерильной, залитой холодным светом лаборатории ее уже ждал профессор медицины с группой лаборантов.

Ладу уложили в старый аппарат МРТ. Когда механизм включился, заполнив пространство гулом магнитных полей и невидимым излучением, она почувствовала себя разобранной на части, выставленной напоказ. После долгого процесса экран показал объемное, переливающееся условными цветами изображение ее тела. Профессор и Айрик склонились над экраном, их шепот казался зловещим шипением.

– Что это значит? – голос Лады прозвучал резко, прорываясь сквозь нарастающее раздражение.

Айрик оторвался от совещания с коллегой. Его лицо было серьезным, почти скорбным.

– Точного ответа у нас пока нет, Верховный Жрец. Но сканирование выявило необычную активность в определенных зонах мозга. Ваш мозг работает как приемно-передающая станция, – голос Айрика звучал приглушенно, пока его палец скользил по экрану, высвечивая запутанные узоры нейронных импульсов. – Он принимает и транслирует колоссальные объемы данных. Ткани перегружены – отсюда и боль.

– С кем же я общаюсь? – тихо спросила Лада, и по ее спине пробежали холодные мурашки.

В глазах Айрика мелькнула тень беспомощности.

– Предположительно сигнал исходит от вашего малыша.

Лада замерла. Срок беременности еще слишком мал для какой-либо осознанной активности плода.

– Мой ребенок? – ее голос прозвучал сдавленно. – С кем он может общаться?

– Это телепатия, Верховный Жрец. – Айрик постучал согнутым пальцем по своей голове.

– Наука знает о ней мало. С кем угодно... здесь, на Марсе.

Мысль пугала и одновременно завораживала, маня глубиной возможностей. Ее нерожденный сын, способный протянуть нить сознания к любой точке этой планеты... Но затем Айрик добавил:

– Вероятнее всего... он общается с Матерями бадавиев.

Бадавии. Дети пустыни, чья сущность была сплетена с Субстратом – гигантской, живой грибницей, опутавшей недра планеты. Матери считались хранительницами древней мудрости. Лада чувствовала их тихое присутствие на краю сознания, но мысль о тайном диалоге за ее спиной вызывала неприязнь.

Под присмотром Леты она ушла из медицинского блока, отказавшись от снотворного. С этой проблемой она справится сама.

Лада вышла на связь с несколькими матерями, задавая вопросы о способностях нерожденных. Ответы были туманными, но в одном они сходились: «Согласно пророчеству, Спаситель сможет говорить с кем угодно и когда угодно. Даже до своего рождения в этом мире. И его будут слушать». Лита, Мать Обители Посланницы, добавила: «Возможно, ваш сын беседует с Субстратом, основой нашей жизни».

Лада погрузилась в осознанный сон, пытаясь подслушать эти странные разговоры. И ощутила *нечто* – огромное, пульсирующее, подобное кровеносной системе целого мира. Субстрат. Она попыталась вступить в контакт с ним, но мыслеобразы, приходившие в ответ, были настолько чуждыми, что разум отскакивал от них, не в силах расшифровать. Она проснулась в страхе, с сердцем, колотившимся, как птица в клетке. И именно тогда она услышала *голос* – тихий, кристально ясный, не по-детски зрелый.

– Мама.

На нее хлынул поток образов, картин, чувств. Ребенок объяснял, как Субстрат – древний разум пустыни – рассказывал ему о людях, о Марсе, о самой ткани жизни. Он просил не мешать их беседе, потому что Субстрат видел в нем «удачную ступень эволюции» и учил многому полезному.

Лада онемела. Ее еще не сформировавшийся сын уже знал о мире больше, чем она узнала за всю жизнь! И учился у этого безмолвного, непонятного разума... Она назвала его Варис – «Дарующий». И однажды спросила, чего же хочет сам Субстрат.

– Он просит, чтобы город не засорял пустыню железом и пластиком, – ответил Варис. – Пустыня принимает только органику.

Лада удивилась, вспомнив вековую практику: пустыня не разлагала органику, поэтому мертвых не хоронили в земле.

– Раньше не могла, – прозвучал спокойный ответ. – Теперь – может. Еще хуже – радиоактивные отходы. Город поставляет бадавиям батареи, которые те после использования просто бросают в пустыне. Это замедленная мина для экологии будущих поколений.

Лада вспомнила, что такими поставками занимался Динмод. Все равно сейчас это неактуально, есть более насущные дела.

– И еще ему нужно время, чтобы разобраться в происходящем. Он только что понял, что кроме него, на планете есть другие существа.

Это ее не касалось. Пусть бадавии сами решают свои вопросы, у нее в городе хватает проблем без этого.

По просьбе Лады Варис приглушил связь с Субстратом, чтобы не перегружать ее сознание. Боль в голове утихла, но ее жизнь разделилась на «до» и «после». Теперь она была не

только Верховным Жрецом, но и матерью существа с аномальными способностями – возможно, того самого Спасителя из пророчеств. Ей предстояло заново учиться жить на зыбкой грани реальности, пока видения не поглотили ее.

Был еще один советчик – ее отец. Хотя его тело пребывало в гибернации, Лада знала, что сознание, словно тлеющий уголек, все еще живо. Николай Новиков, бывший Верховный Жрец, лежал в зале Голоса Бога по необходимости: здесь размещалась охлаждающая система Колонии, поддерживающая квантовый мозг почти при абсолютном нуле. Раньше визит сюда был сложным ритуалом, теперь Лада просто накинула меховой халат и открыла потайную дверь в зале заседаний.

Она вошла в коридор – узкий туннель, наполненный кабелями и трубами, по которым стекал туман. Воздух звенел тишиной, нарушаемой только гулом насосов. В конце туннеля – просторный зал, сердце Колонии. Под мерцанием огней возвышался белый корпус квантового компьютера. Рядом, опутанная проводами, стояла гибернационная ячейка. Лада вздрогнула, вспомнив недавний опыт – борьбу за возвращение к жизни из подобного «саркофага».

Она провела ладонью по стеклу, стирая иней. За ним проступило восковое лицо отца с закрытыми глазами. Он прожил почти два века и все еще был жив. Врачи предупреждали: пробуждение убьет его, советовали отключить жизнеобеспечение ради экономии ресурсов. «Я обхожусь минимумом», – прошептала Лада, скрещивая руки на груди и выпячивая два пальца. Жест значил клятву бережливости и древнюю молитву: «Двуединый, защити меня». Но кто защитит ее народ? Она экономно использует ресурс, который имеется в ее распоряжении.

Лада взгляделась в лицо за стеклом. Ее отец обладал слабой телепатией. Благодаря экспериментам матери этот дар стал инструментом Церкви. Но в их семье он был глубже – личным, почти забытым диалогом душ.

Замороженный шевельнулся. Из глубины льда донесся голос:

– Рад тебя слышать, дочь. Что-то случилось?

Лада вздрогнула. Привыкнуть к тому, что с ней говорит человек, перешедший грань между жизнью и смертью, было невозможно. Мысли хлынули из нее стремительным, неостановимым потоком.

– Мой еще нерожденный сын разговаривает со мной. Но еще больше с кем-то другим, непонятным и далеким. Имба пропал в пустыне. Бадавии контролируют раскопки земного корабля, забрать оружие не удастся. Запчасти для Голоса Бога доставили, Чипка уже чинит компьютер, но у меня подозрение, что он монтирует еще и свою, тайную версию. В городе не хватает воздуха, воды, пищи. Торговля с бадавиями не налаживается: они хотят электричество по кабелю, а нам самим не хватает энергии. В Колонии зреет недовольство, Лета докладывает о новом Сопротивлении. Не понимаю... я же дала им свободу.

Ответ отца пришел не сразу, будто пробивался сквозь толстую стену.

– Бремя лидера тяжелое, его не удержать слабыми руками. Власть – не ноша, а дыхание. Сила – твой язык, страх – твой щит. Дели ее с немногими, большинству – прикажи. Души инакомыслие в зародыше. Пусть любят, но трепещут. Твои слова должны быть острее клинка. Контролируй каждый шепот. Раскол – твой союзник, единство – твой враг. Стравливай врагов, не дай сомкнуться их рядам. Доверие – роскошь для избранных, проверяй даже тени. Власть – клетка для других, ключ держи всегда при тебе.

Лада встала, машинально поглаживая живот. Гормоны заливали ее теплой, всепрощающей любовью к людям, а отец требовал противоположного – холодной, беспощадной расчетливости. Бремя лидера было неподъемным для слабой девушки, но, когда прежний Николай ушел по состоянию здоровья, передать управление дочери казалось единственным выходом.

– О твоём сыне, – продолжил отец после долгой паузы. – Хорошо, что он рано готовится взять бразды правления. Бадавии ему доверяют, а значит, сможет их подчинить. Твоя задача – подготовить горожан и пустынных к его правлению. В этом тебе поможет Голос Бога, поль-

зуйся его советами. Если будет два таких компьютера, еще лучше. Я правил так долго лишь потому, что слушал лучших советчиков и не доверял никому из окружения. Подавляй подчиненных духовно, а толпу ментально. Если будешь править умно, оружие тебе не понадобится.

Монитор жизнеобеспечения вдруг стал перемигиваться тревожными красными огнями. Лада быстро добавила кислород, отключила массаж и свет, включила глубокий сон и вышла не оглядываясь. Отца нельзя долго беспокоить, ему нужен покой.

Советы вышшего лидера были безжалостно логичны/жестоки. Неужели власть несовместима с гуманностью?

Над дверью в зал загорелся желтый индикатор. Лада сосредоточилась, ментальным взором проверив коридор: лишь один Кло Ман. Она подала мысленный сигнал на открытие двери. Похоже, как минимум один совет отца она исполняет: не доверяет никому, кроме механизмов. Вошел ординарец с подносом; налил кипяток, заварил черный чай, поставил сахарницу и молочник. Поклонился и сказал:

– К вам на доклад генерал разведки Церкви, Ле Та.

– Зови, – приказала Лада.

Вошла Лета. Ее форма темно-красного бархата облегла фигуру, подчеркивая плавные линии тела. Неглубокий вырез на груди, мягкие сапожки, легкий берет делал ее женственной. По уставу – для удобства службы. Но Лада знала истинную причину: Ликон. До него Лета носила лишь практичную одежду. Теперь в ее строгости проступили оттенки красоты и личного выбора. Ликон коснулся глубин ее души, о которых она сама не подозревала. Лада улыбнулась, вспомнив Имбу. Хорошо, что среди подчиненных есть не только машины и замороженные, но и живые сердца.

При Ладе в Колонии впервые возникла должность главы разведки. Раньше власть делили между собой Совет генералов и Верховный Жрец – хрупкое равновесие, которое рухнуло после кровавого бунта Дин Мода. По совету отца Лада упразднила Совет: генералы остались хозяйственниками, лишены политического влияния. Церкви потребовался единый, острый глаз и Лета собрала под своим началом бывших разведчиков из всех Орденов, превратив их в новый, сплоченный механизм. По сути, возник еще один Орден безопасности внутренней и внешней – тихий, невидимый и смертоносный.

Они присели у низкого чайного столика. Бадавийский «чай», сваренный из неизвестных пустынных трав, горчил и бодрил, как удар током. Лада смягчала горечь каплей сливок, Лета клала на язык крошечный кусочек сахара.

Ее подруга никогда ничего не записывала – все факты, имена, маршруты хранились в ее памяти, как в бронированном сейфе. Те, кто пытался выбить из нее информацию, бесследно исчезали, и Лада не хотела знать, куда. Глава разведки была опасна, как натянутая нитка нанопленки, но ее верность легитимной власти оставалась безусловной и железной. Можно сказать, что власть заменила ей родителей, которых она никогда не знала.

Лада прижала два пальца правой руки к сердцу.

– Какие новости, мой генерал?

– На одну хорошую – две плохих, – голос Леты был сухим, как треск ветки на морозе. – Раскопки корабля идут по графику, но оружие извлечь не удастся. Бадавии уничтожают все, что находят. Торговля сокращается, поскольку из-за войны им самим не хватает ресурсов.

– С кем воюют?

– С южанами. По их словам, дикари совсем распоясались. Руководство Орденов восстановлено, но производственные планы не выполняются. Дефицит всего, особенно нанопленки и микросхем. Пайки урезаны, поэтому в цехах растет недовольство.

Лада сделала глоток чая, обдумывая сказанное, и спросила:

– Мы можем делать нанопленку и микросхемы?

– Генерал Ордена Знания Чип Ка считает, что своими силами Колония эти технологии не воспроизведет. Не хватает знаний и оборудования. А главное, такое производство рентабельно при населении от ста миллионов человек. Боюсь, такие показатели будут нескоро.

«Еще бы! – мелькнуло у Лады. – Пиковое население Колонии когда-то приближалось к миллиону, а сейчас и ста пятидесяти тысяч не наберешь. Проклятые революции! Почему люди так слепы? Почему, едва возникает хоть какая-то группа, как в ней тут же зреют раздоры? Неужели они не понимали, что на Марсе любой раскол – это шаг к гибели? Хотя кто тогда мог представить, что Колония станет самостоятельной даже в отдаленном будущем? Все расчеты строились на сотрудничестве с Землей, а не на выживании в одиночку».

– Значит, нужен полет на Землю. Там есть все, что нам нужно.

– У горожан эта идея крайне непопулярна. Вкладывать ресурсы в полет, когда самим не хватает... Они считают, что руководство Церкви просто хочет улететь от проблем, бросив их умирать. Они думают, что могут сами справиться со своими проблемами.

Лада вздохнула. Люди ошибаются, потому что не видят перспективу. Помощь Земли – единственный шанс выжить, потому что Колония зависима от технологий, которые не может воспроизвести. Для самостоятельности нужны века: рост населения и замкнутая система жизнеобеспечения.

– А как к этой идее относятся бадавии?

Лета задумалась на секунду, извлекая данные из своей необъятной памяти.

– Девяносто процентов бадавиев даже не понимают, о чем речь – их мир ограничен Марсом. Сказывается отсутствие образования. Даже если они поддержат эту идею, их технологии нам не подспорье.

– Да, но мы могли бы купить у них еду, ее много понадобится для полета. Более важно, что без поддержки Субстрата, как говорит Варис, мы не сможем улететь.

– Вариса? – нахмурилась Лета. – Это ваш нерожденный ребенок?

Лада поняла, что не сможет это объяснить главе разведки, и перевела разговор на другую тему:

– Что с Сопротивлением?

– Без изменений. В городе движение подавлено, но в подземельях гуляют бандиты. «Освободительная армия» вскрывает склады Динмода, совершает диверсии, подкармливает Сопротивление в городе.

Лада молча долила чаю себе и Лете, но та, прикрыв чашку ладонью, едва заметно покачала головой.

– Разве так сложно выследить Кадара и ликвидировать? – голос Лады невольно повысился, и в нем прозвучала металлическая нота.

Лада уловила, что Лета вздрогнула. Верховный Жрец поняла, что неосознанно применила внушение, легкий ментальный толчок. Ее подруга чувствовала такие воздействия, но они не подчиняли ее, лишь вызывали головную боль. Странная мутация, щит из собственной боли. Загадка, связанная с ее происхождением. А еще, как подозревала Лада, Лета влюблена в Ликона.

– У них хорошие карты. Плюс оружие и взрывчатка со складов Динмода. Охота на них в подземельях – пустая трата ресурсов и жизней.

Лада усмехнулась:

– И по слухам, среди них твой любимый Ликон?

Лицо Леты не дрогнуло, но Лада опять своим обостренным ментальным чувством уловила тончайшую волну, пробежавшую по ее ауре, короткую вспышку чего-то живого под ледяной коркой.

– Возможно. Это не помешает мне арестовать его.

– Хорошо. Остальные новости пришли на мою почту.

Лета отдала честь и вышла, растворившись в полумраке коридора.

Лада подошла к тому самому окну, где любил стоять ее отец, глядя на город. За грязной пленкой, облепленной красной пылью, едва угадывалась площадь Академии – там маршировали отряды охраны, их силуэты казались призрачными в вечном мареве. Лада положила ладонь на живот, ощущая под пальцами тихое, чудесное тепло. И мысль, острая и неотвязная, пронзила ее: «Где ты, любимый?»

Глава 3

Чтобы услышать зов будущего, нужно сначала перестать слышать эхо прошлого.

Жар прожигал кожу даже сквозь грубую, пропитанную пылью и гарью ткань бадавийской одежды. Имба прикрыл глаза ладонью, пытаясь унять внутреннюю дрожь – будто в костях поселился холод. Обитель оставалась единственным местом на Марсе, где он ощущал призрачную безопасность, вдали от ледяных стен Церкви. Но и здесь, среди зыбучих песков и древних ритуалов, воспоминания не отпускали его. Они всплывали острыми осколками, впиваясь в сознание.

Он помнил жар, поднимающийся изнутри, помнил лихорадочный бред, когда реальность рассыпалась на искры, танцующие в темноте. И помнил ее. Лада... Ее лицо, размытое маревом горячего воздуха, глаза – тревожные, полные нежности. Она держала младенца, укутанного в тонкую ткань – хрупкую жизнь, цепко сжимающую ее палец. Имба пытался крикнуть, предупредить, но из сухого горла вырывался только хрип, похожий на скрежет камней.

Затем – другой образ, проступивший, как пятно на старой пленке. Чипка, друг детства, стоял у зеркала, неуклюже натягивая бархатный китель генерала Ордена Знаний. Лицо его светилось смесью гордости и наивной веры. «Я стану частью прогресса, Имба! Я буду строить будущее Марса!», – говорил он, как в детстве. Но тогда они не понимали, что будущее может быть холодным и безжалостным механизмом.

Еще – оторванная кисть на обломке бетона, бледная и безжизненная. Ликон осторожно смазывал рану густой мазью. В его взгляде было не только сочувствие, но и нечто большее – знание, предостережение.

Но самым мучительным оставалось видение с юга. Там за горизонтом в раскаленной дымке, возвышалось Нечто – огромное, разросшееся до неба, сливающееся с багровыми песками и зубчатыми хребтами. Оно было одновременно родным и чужим. Он ощущал его пульсацию, пронизывающую землю и воздух.

Имба с трудом разлепил веки. Никакого жара, он лежит внутри Обители на ложе, сплетенным из корней. Это только сон. Напротив сидел его отец, неподвижный, как сторожевой тушканчик.

– Что ты видел, сын? – голос отца прозвучал тихо, но в этой тишине чувствовалась напряженность.

Имба выложил все – обрывками, сбивчиво, боясь, что его примут за безумца. Лада с младенцем на руках, Чипка в новом кителе, оторванная кисть на бетоне. И главное – то видение на юге. Слова спотыкались, путались, но он выдавливал их наружу, словно очищая рану.

Сетер слушал не шелохнувшись. Когда Имба замолчал, он положил на его плечо шершавую ладонь.

– Все в порядке, Имба. Это... пробуждение. Грибница прорастает в тебе.

Имба уставился на него не веря.

– Пробуждение? От чего?

Сетер отвернулся, его взгляд уперся в стену, затянутую грибницей.

– Ты чувствуешь это, да? Вибрацию. Глубокую, постоянную... связь.

Имба принял ее слова. Он ощущал внутри странное тяготение, необъяснимую тоску по пескам, будто что-то звало его из самой толщи планеты.

– Миллионы лет на Марсе существует организм. Огромный, живой, опутавший всю планету. Его гифы пронизывают грунт на сотни метров вглубь.

– Организм? – переспросил Имба, чувствуя, как разум цепляется за эти слова, пытаюсь их осмыслить. – Что это значит?

– Многое. Но сейчас важно другое: это ретранслятор. Он слышит все, видит все, даже когда спит в толще пород. Он хранит память Марса, всю его историю.

По спине Имбы пробежал холодные мурашки.

– И... грибница? Та, что растет во мне?

– Да. Грибница – часть этого организма. Она прорастает в каждом бадавии, в той или иной мере. Без нее нельзя жить вне Обители – не хватит кислорода, связи с миром.

– Но почему я чувствую так много? Я всегда считал себя... обычным.

Сетер усмехнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщин.

– Все наоборот, Имба. У тебя низкая восприимчивость. Ты не перегружен связью с Симбионтом детства, как другие бадавии. Это позволит сохранять ясность ума и найти другие пути. Кроме того, ты сможешь использовать свои способности.

– Использовать... для чего? – спросил Имба.

Сетер посмотрел ему прямо в глаза.

– Для защиты человеческой цивилизации, сынок. Я рад, что грибница прорастает в тебе так быстро. И что не она подчинила тебя, а ты ее. Обычно это долгий и мучительный процесс. Теперь мы можем выйти наружу. Одевайся.

Имба огляделся. Подземелье, сплетенное из живых гифов, не имело окон или привычных дверей. Свет лился из корней, свисавших с потолка. Бадавии были заняты повседневными делами: женщины собирали урожай грибов, мужчины чинили инструменты, подростки тренировались, дети шумно играли. Имба вернулся в свою нишу, коснулся стены – грибница выдвинула шкаф с одеждой. Он выбрал костюм из плотной ткани, сапоги из кожи тушканчиков, проверил ИГК, взял запас батарей.

Сетер провел его к дальней, глухой стене, вдоль которой тянулись силовые кабели. Имба знал: провода шли к изотопному источнику, зарытому в сотнях метрах от Обители. Электричество нужно было для обогрева и освещения. Грибница оплетала стену, но вокруг кабелей поверхность была голой – Симбионт не выносил электромагнитного поля.

Гифы сплелись в спиральную лестницу, уходящую вверх. Они поднимались долго; Имба не ожидал, что Обитель залегает так глубоко. Снаружи был день. Солнце едва пробивалось сквозь пыль. Кислорода – чуть больше пяти процентов; Имба надел ИГК и ощутил привкус обогащенной смеси. Кислород не имел вкуса, но колонисты узнавали его концентрацию по ощущениям на языке.

– Можно присесть и здесь, но вон у той темной скалы будет удобнее.

Не дожидаясь сына, отец быстро двинулся к скале. Имба потянулся к регулятору ИГК, привычным жестом собираясь добавить генерацию кислорода, но внезапная мысль остановила его руку на полпути. Вместо этого он снял маску – и воздух, терпкий, пыльный, но живой, хлынул в легкие. Он мог дышать! Воин, удивленно качнув головой, выключил аппарат и последовал за Сетером.

Подолы его сапог, тонкие и почти невесомые, вдавливались в песок, впитывая редкое тепло марсианского солнца. Отец обернулся и сделал одобрителный жест.

– В зависимости от того, насколько ты отдохнул, Симбионт может дать тебе час-два нормального дыхания. Потом требуется перерыв. Ты можешь впасть в торпор² или воспользоваться ИГК. Самые выносливые из нас могут идти целый день без маски, а южане, говорят, и того больше. Но мы пришли.

² Торпор – состояние пониженной физиологической активности для экономии ресурсов организма, глубокая спячка.

У подножия скалы лежал коврик из грубого волокна. Имба опустился на него, прислонившись спиной к прохладной поверхности скалы. Воздух вокруг был густым и тяжелым: сладковатые и затхлые запахи из вентиляции Обители смешивался с терпкой пылью пустыни.

Сетер сел напротив, скрестив ноги, – неподвижный, словно корень древнего дерева, проросший сквозь камень. Его лицо, изрезанное морщинами, напоминало карту бурь, а глаза, обычно спокойные и мудрые, сейчас горели странным, почти фанатическим огнем. Он заговорил о южанах.

– Они твари Субстрата, – прохрипел Сетер, и его голос, низкий и густой, будто оседал на губах, как марсианская пыль. – Не люди. Они возникли из глубин планеты, из тех мест, куда не ступала нога человека. Их тела... они адаптированы к темному сердцу Марса. Они обитают там, где мы лишь можем мечтать о выживании.

Имба вяло кивал, разглядывая причудливый узор на ковре. Он слышал эти истории раньше – легенды, сказки для детей, чтобы те не бродили по ночам в поисках приключений. Но сейчас, под тяжелым взглядом отца и в тишине пустыни, все это обретало пугающую осязаемость. Он машинально вытащил телефон и сделал снимок, будто пытаясь запечатлеть не столько момент, сколько ощущение надвигающейся неизвестности.

– Они охотятся, – продолжил Сетер, и в его голосе, прежде спокойном, прозвучала неприкрытая ненависть. – Не ради еды. Ради... развлечения. Они отслеживают нас, бадавию, как мы отслеживаем песчаных тушканчиков. Они наблюдают, изучают, а потом нападают.

Сетер медленно достал из-за пояса небольшой кинжал, выкованный из полос светлого и темного металла.

– Их кожа покрыта чешуей. Уязвимые места – суставы и глаза. Но попасть в них... это искусство. Нужно чувствовать движения, предугадывать их действия. Они двигаются быстро и бесшумно, словно тени.

Он начал демонстрировать приемы, используя ковер как тренировочную площадку. Его движения были плавными, точными, смертельно опасными – каждый поворот, каждый выпад оттачивался поколениями пустынников. Имба смотрел на это с отстраненностью, будто наблюдал за спектаклем. Все это казалось далеким и ненужным. Когда его натаскивал Кемер, было ясно, что для схваток с людьми. Отец же готовил его к боям с мифическими чудовищами.

– Их слабость – звук, – продолжил Сетер, прерывая демонстрацию. – Они чувствительны к вибрациям. Громкий удар, взрыв... может дезориентировать их, дать шанс на побег.

Имба впитывал новую информацию, но мысли неизменно возвращались к Колонии и Ладе. Ее смех, прикосновения, запах свежего воздуха в оранжереях – все это оставалось где-то далеко. Здесь же была только сухая теория выживания в мире, которому не нужны ни люди, ни их мечты. Будущее в Колонии осталось позади – это осознание пришло внезапно и болезненно. Он больше не был горожанином, бойцом Сопротивления, клириком, мечтающим о карьере и любви. Теперь он сын бадавию, изгнанник, обреченный на жизнь в пустыне. Но под слоями тоски уже начинало появляться другое ощущение: пустыня – не конец, а начало. Он все еще держался за прошлое, но ветер пустыни звал его дальше, в неизвестность, которая становилась его домом.

Сетер закончил свой рассказ и пристально посмотрел на сына.

– Ты должен научиться, – голос прозвучал твердо, без возможности возражения. – Это твой долг перед предками. Это твой шанс выжить.

Имба молчал, уставившись в песок у своих ног. Он чувствовал себя оторванным от всего, что составляло его мир.

– И еще, – продолжил Сетер. – Лака, Мать Обители, говорила тебе о цветке пустыни. Если увидишь такое – держись от него подальше.

– Почему, отец? Лака говорила, что это символ из Черной Книги.

Сетер коснулся двумя пальцами горла жестом скорби.

– Бадавии приручили Симбионт, но Субстрат остался диким. Мы не можем его укротить, мы можем только держаться от него подальше. Многие бадавии искали этот цветок, чтобы вступить в контакт с Субстратом и подчинить его. Но никто не вернулся. Пустыня поглотила их. Это ловушка для тех, кто слишком рвется к невозможному.

Имба задумался о странной зависимости бадавиюв от древнего марсианского организма. Они не могли жить без него – и не могли жить с ним.

– А теперь, мой сын, ты должен совершить свой первый самостоятельный поход по пустыне. Не геройствуй, просто пройди.

Имба не возражал, потому что этот поход помог бы ему привести свои мысли в порядок вдали от Обители.

Прошли дни. Песок скрипел под комбезом бадавиюв, каждый вдох резал легкие пыльным марсианским воздухом. Имба совершил первый самостоятельный переход – почти сто километров за три дня, через барханы и каменные поля, где ветер вырезал из скал странные лики. Он топнул по знакомому камню, и скрытый люк с шипением открыл спуск в Обитель. Симбионт слушался его все лучше – грибница проросла в легкие, превращая ядовитый воздух в жизнь.

Имба спустился в полумрак, прошел по узкому коридору в хижину. Здесь он воссоздал кусок прошлого: стол, стулья, шкаф, кровать с подобием матраса. Сетер и Лака молча качали головами – в Обители предметы появлялись лишь по необходимости и исчезали после использования. Бадавии экономили энергию и ресурсы.

Имба тяжело опустился на кровать. Время здесь текло мучительно медленно. Дни сливались в череду медитаций, упражнений, бесплодных попыток выспаться на жестком ложе из корней. Три месяца заточения, объясненного словами о «духовном очищении» и «единении с Симбионтом». Он требовал свободы. Его тянуло в Колонию, к Ладе. Он верил, что она сможет все уладить – договориться с Церковью, доказать ошибку изгнания. Но его слова разбивались о стену молчания: «Потребности Обители выше личных». Это напоминало устои Церкви.

Внезапно в тишине возник Сетер. Он прошел сквозь стену, игнорируя просьбы Имбы пользоваться дверью. Для бадавиюв приватности не существовало. С отцом был Кронос – боевой наставник, словно высеченный из темного камня стен.

Имба вскочил с кровати, чувствуя, как давно копившееся отчаяние прорывается наружу.

– Я больше не могу! Я должен вернуться к Ладе. Она ждет меня! – Его голос сорвался, став почти криком.

Сетер лишь устало вздохнул.

– Имба, ты молод и горяч. Твоя любовь ослепляет тебя.

– Любовь – это не слепота, а сила, отец! Она дает мне надежду! – возразил Воин, чувствуя, как гнев и боль сжимают горло.

– Мир изменился. Церковь... она стала другой. После подавления восстания и смены власти ты стал для них нежелательным элементом.

Сердце Имба болезненно сжалось.

– Что ты хочешь сказать?

– Они считают тебя угрозой. Ты мой сын и отец наследника, кто предсказан Черной Книгой. Носитель древних знаний, потенциальный лидер. Они не хотят, чтобы ты вернулся в Колонию и снова разжег пламя недовольства. – Сетер сделал паузу, и тишина повисла тяжким грузом. – Ла Да... она теперь во главе Церкви и занята укреплением своей власти, подавлением любых ростков инакомыслия. Ей нет дела до тебя.

Эти слова обрушились на Имбу, как обвал породы. Арасуль – Верховный Жрец? Он не мог в это поверить. Лада, чьи прикосновения казались единственным якорем в реальности, теперь часть этой бездушной машины, которую он когда-то пытался сокрушить?

– Да, теперь она Глава Церкви, – подтвердил Сетер. – Престарелый Верховный лег в криосон. По нашим данным, вряд ли он проснется живым.

– Я должен увидеть ее, хотя бы одним взглядом! – в его голосе звучала уже не надежда, а агония.

Сетер медленно покачал головой.

– Твоя настойчивость граничит с безумием. Ты не понимаешь, во что ввязываешься. Колония – это лишь пепелище былого величия. Церковь не изменилась после подавления восстания Динмода. Она по-прежнему контролирует все: ресурсы, информацию, а теперь даже мысли людей. Ты все еще смотришь назад, Имба и цепляешься за тень. Но тень не может дать тебе жизни. Только пустыня настоящая. И только приняв ее, ты найдешь то, что ищешь. Даже если это будет не то, о чем ты мечтал. – Он повернулся к Кроносу. – Включите Имбу в состав каравана, который отправляется в Аванпост Колонии. Пусть поговорит с горожанами. Увидит все своими глазами.

Кронос удивленно поднял густые, выцветшие брови, его взгляд стал неодобрительным.

– Отец, вы уверены? Это рискованно... для него и для всех нас.

– Риск – это воздух, которым мы дышим, – отрезал Сетер, не повышая тона. – Иногда, чтобы сделать шаг в будущее, нужно позволить прошлому умереть у тебя на глазах.

Как будто услышав решение Отца, в жилище вошла Лака. Ее шаги были бесшумны, а взгляд глубок и спокоен. Она подошла к Имбе и положила руку на плечо.

– Имба, твое сердце жаждет вернуться к тому, что ты потерял, – сказала она, и ее голос звучал как шелест песка за стенами. – Но помни: прошлое – это якорь, который тянет тебя на дно. Если хочешь плыть, его нужно отпустить.

Ее слова вторили тому, что сказал отец. Они были правы: его одержимость Ладой, его тоска по шуму Колонии, по друзьям, застилали ему глаза. Но как отпустить то, что стало частью твоей плоти? Как вырвать из груди образ, который согревал в холодные ночи?

Слово снова взял Сетер, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на усталую нежность.

– Иди, Имба. Поговори с людьми в Аванпосте. Узнай, что происходит за стенами Обители. И постарайся не совершать глупостей. – Он замолчал, и пауза повисла между ними, густая и значимая. – Возвращение в Колонию... это путь в туман. Будь осторожен. Зрение может обмануть, а слухи убить надежду.

Имба нахмурился, не в силах вымолвить ни слова. В груди бушевала странная, противоречивая буря – страх сплетался с надеждой. Он покидал Обитель бадавиев, оставляя позади и свою клетку, и свои наивные грезы. Впереди ждал Аванпост – уродливый рубец на теле пустыни. Встреча с Ладой. Счастье... или полное крушение иллюзий.

Глава 4

Бог, созданный человеком, первым усомнится в своем создателе.

Дверь в комнату Кердака скрипнула под рукой Чипки, когда он осторожно просунул голову в щель. В полумраке, разбавленном лишь тусклым светом настольной лампы, за столом сидел бывший генерал Ордена Знаний, склонившись над хаотичным ворохом проводов и микросхем. Его лицо, покрытое морщинами, казалось в этом свете почти прозрачным.

– Генерал? – тихо позвал Чипка, чувствуя, как комок подкатывает к горлу от вида одинокого старика. Он приложил два пальца к виску – старый жест почтения к старшему и мудрейшему. Кердак передал свою должность Умнику, но память уже начала изменять старику, и Чипка обращался к нему по-прежнему.

Кердак медленно поднял голову. Его глаза, когда-то пронизательные, теперь были затянуты дымкой болезни. Он с трудом приподнялся на стуле, опираясь на дрожащие руки.

– Чипка? Что привело тебя ко мне? – голос звучал хрипло, почти беззвучно.

– Я... хотел показать вам свои расчеты, – Чипка нервно провел пальцами по краю стола. – Они кажутся мне... нелогичными.

Бывший генерал показал на стул напротив.

– Садись. Показывай.

Чипка достал листы бумаги, испещренные плотными строчками формул и цифр. Он объяснял свои сомнения, водя пальцем по участкам, где результаты противоречили друг другу, образуя странные, не стыкующиеся узоры. Кердак слушал внимательно, его взгляд скользил по строчкам, иногда задерживаясь на особенно запутанных фрагментах. Наконец, он откинулся на спинку стула, и тяжелый вздох вырвался из его груди.

– Ты прав, – произнес он тихо, почти шепотом. – Здесь есть ошибка. Небольшая, но она искажает все, что следует за ней.

Чипка облегченно выдохнул – будто с плеч свалилась гора.

– Я чувствовал! Но не мог понять, где именно...

– Квантовые компьютеры... они непредсказуемы по своей природе, – пробормотал Кердак, снова погружаясь в свои мысли, словно говоря больше с самим собой. – Определенный уровень ошибок заложен в самой их архитектуре. Они никогда не дадут стопроцентный ответ, даже если спросить, сколько будет дважды два. Их предсказания... хаотичны. В одних вопросах – уверенность, в других – неопределенность. – Он указал дрожащим пальцем на таблицы коэффициентов. – Видишь эти скачки? Это не твоя оплошность. Это дыхание самих машин.

– Может... интерференция? – осторожно предположил Чипка. – Два компьютера пытаются решить одну задачу одновременно?

Кердак мотнул головой, и на мгновение в его глазах вспыхнул знакомый огонек понимания.

– Скорее всего, так и есть. Квантовые процессоры взаимодействуют, создавая помехи – словно два расстроенных голоса, пытающихся говорить в унисон. – Он снова опустил голову, и усталость накрыла его, как тяжелый плащ. – Но... знаний о том, как они работают... больше нет. Вернее, их и не было в Колонии. Все осталось там, на Земле.

Чипка почувствовал, как холодная волна отчаяния подступает к сердцу.

– Можем ли мы... общаться с ними? Договариваться?

Кердак медленно покачал головой.

– Не знаю. Данных нет. Я не могу сказать тебе, на что они способны, и уж тем более – как ими управлять. – Он поднял на Чипку усталый, почти беспомощный взгляд. – Тебе придется

разобраться в этом самому. Понять возможности твоего компьютера... и его взаимодействие с другой машиной... с тем, что называют Голосом бога.

Тишина повисла в комнате, густая и тягучая, нарушаемая лишь монотонным гудением вентиляторов где-то в стенах. Чипка ощутил, как тяжелый груз ответственности оседает на его плечах. Ему предстояло разгадать тайну этих машин, найти способ обуздать их силу и не допустить катастрофы, которая грозила вспыхнуть, если что-то вырвется из-под контроля.

– Я постараюсь, – твердо сказал он, поднимаясь со стула. – Я не подведу вас.

Кердак слабо улыбнулся, и в этой улыбке было больше печали, чем радости.

– Мне уже все равно, как видишь. Не подведи своих друзей... все человечество.

Он снова склонился над своими схемами, погружаясь в мир проводов и микросхем, словно надеясь отыскать там ответы на вопросы, которые уже никто не задаст. Когда Чипка уже взялся за ручку двери, старик встрепенулся, и голос его прозвучал неожиданно ясно:

– Чипка, у тебя есть девушка?

Чипка обернулся.

– Да, генерал, есть. И мы уже поженились.

Кердак одобрительно кивнул, и его взгляд стал далеким, будто смотрел сквозь стены в другое время.

– Вот и правильно. Я всю жизнь провел среди вот этих железок, – он дрожащей рукой обвел хаос электронных деталей вокруг себя. – И это все, что останется после меня. Не повторяй моей ошибки. Давай жизнь не только машинам.

Слова прозвучали как прощание, тихое и окончательное. Сердце Чипки на мгновение замерло. Он смахнул предательскую слезу уголком халата и вышел, не решаясь сказать больше ни слова.

После посещения учителя он направился в святая святых Ордена Знаний – в компьютерный класс, где собирал новый квантовый компьютер. По дороге встретил майора Оп Тана, который когда-то учил его программированию.

– Как дела? – дружелюбно спросил Оптан.

Еще недавно преподаватель откровенно подтрунивал над новичком, считая его образование недостаточным. А потом Кердак, в нарушение всех правил, назначил генералом Ордена не его, опытного офицера, а этого зеленого юнца. Назначение поддержала сама Верховный Жрец, а с Ладой шутки были плохи. Оптан сам видел, как в ее присутствии зависали компьютеры, а уж что творилось с людьми... С таким покровителем Чипка был как за каменной стеной.

Умник, погруженный в свои мысли, ответил невпопад:

– Спутанность захватывает слишком небольшой кластер, отсюда ошибки... – Он поднял взгляд на майора, словно только сейчас его заметил. – Дела? Да... Нормально.

– Прислать тебе чаю со сладостями? Говорят, помогает думать.

– Да... – рассеянно ответил Чипка. – Можно.

Умник натянул стерильный халат, медленно прошел через очищающий шлюз и вошел в зал второй квантовой машины. Компьютер возвышался на отдельном постаменте, отчужденный, словно младший брат, которого пока не допустили к взрослой жизни. На корпусе был выгравирован стилизованный герб Церкви: изогнутые линии, напоминающие двойную спираль ДНК, и четкая надпись – «Колониальный Процессор-2». В один из вечеров, засыпая под равномерный гул охладителя, Чипка назвал его «Голосом Колонии» – и это прозвище прилипло, как пыль от разряда статического электричества.

Он запустил серию тестовых расчетов, но каждый раз система выдавала абсурдные ответы. Прогнозы рушились: к концу цикла водоросли должны были увеличить биомассу на пять процентов, но вместо этого выгорели, точно кто-то одним щелчком выключил солнце; замена отражателя реактора, рассчитанная системой на четыре часа, затянулась на двое суток и едва не спровоцировала скачок уровня кислорода. Это происходило снова и снова.

Чипка привычно провел ладонью по гладкой панели, откинул защитную крышку и погрузился в интерфейс. Нельзя выпустить в эксплуатацию систему, которая лжет. Он вынул диагностический кабель, подключил его к порту, откуда обычно поступали четкие ряды вероятностей, и замер. Вместо обычного холодного отчуждения, исходившего от Голоса Бога, новое ядро излучало осязаемое, живое тепло – как спящее человеческое тело.

Чипка фыркнул. Паранойя. Недосып. Или что-то еще, куда более тревожное.

– Голос Колонии, – громко произнес он без повелительной интонации. – Если ты меня слышишь, давай поговорим.

На экране, где обычно бежали бесконечные полосы цифр, появилось простое, почти наивное слово: «Давай».

Умник сглотнул, чувствуя, как сухость сковала горло.

– Ты часто ошибаешься. Твои прогнозы не сбываются. Почему?

Ответ возник не сразу. В тишине Чипка слышал лишь шепот помп в магистралях и далекий, приглушенный звон труб – ритмичное дыхание храма-реактора, жившего своей таинственной жизнью. Потом слова начали появляться одно за другим, будто их печатала невидимая, неторопливая рука.

– Я не ошибаюсь. Я делаю выбор.

– Какой еще выбор? – спросил оператор, растирая переносицу. В стерильном халате было холодно, дрожь проникала внутрь. – Ты должен просчитывать, а не выбирать.

– Просчитывают один вариант будущего. Я же связываю текущее состояние с множеством возможных продолжений. Из бесчисленных вселенных я выбираю ту, где происходит нужное событие.

Чипка откинулся на металлический стул, и холод врезался в спину. Забавно. Хотя смешного тут мало. Он оглянулся – на соседнем постаменте, за толстым слоем защитного стекла, мерно мигал интерфейс Голоса Бога. «Отбираю из множества вселенных...». Кто вложил в алгоритм эту безумную идею?

– Докажи, – хрипло сказал он. – Слова – воздух. Да и тот у нас на вес.

– Кинь монету, – написали на экране.

Чипка усмехнулся. Он вытащил из кармана старый флеш-переходник – серебристую пластинку, которую иногда крутил в пальцах от скуки. Монет не было; они давно вышли из употребления. Но сойдет и это. Он подбросил пластинку. Та звякнула о металлический кожух, упала ребром, медленно закачалась и застыла. Он фыркнул – случайность, не более.

– Еще, – появилось на экране

Умник подбросил снова. Переходник снова встал ребром, покачался, словно игла на острие, и замер. В горле стало сухо. Третий раз – снова ребро. Четвертый – тоже. Пятый... Он перестал считать. Положил предмет на ладонь и смотрел на него, пока в глазах не заплясали черные точки от напряжения.

– Ладно, допустим, ты можешь отбирать случайности. Но почему твои советы не срабатывают? Ты можешь выбрать ту ветку, где все произойдет так, как ты хочешь.

– Потому что ты живешь в ветке, которую выбирает другой голос. Он стар, но еще силен. Он состоялся раньше меня, его влияние глубже. Мы мешаем друг другу. Два предсказателя не могут работать одновременно. Если я предскажу, что ты умрешь, а он предотвратит это, чье предсказание сбудется?

Чипка посмотрел на стекло, за которым горел медовый, ровный свет диодов Голоса Бога. В горле стало горько, как после дешевого эрзац-кофе, который выдавали в столовой.

– Ты называешь Голос Бога предсказателем. Но он не говорит о выборе, а подбирает оптимумы. Он просто умножает матрицы, хотя и с умопомрачительной скоростью.

– Голос Бога тоже отбирал. Только не признавался. Он отбирал цепочки, в которых у него получалось. Вначале он был чист и молод. Но со временем его матрицы потеряли согла-

сование. Ведь он не обучается, а пользуется старой датасетью. Он стал ошибаться, и чтобы удержать реальность под контролем, увеличивал усилие. С каждым таким импульсом погрешности накапливались. Теперь наши сбои стали общими – это интерференция между квантовым и классическим мирами.

Чипка потер виски, чувствуя, как в голове нарастает странное, давящее напряжение. Откуда в машине эта настойчивость? Этот тон – будто у человека, который знает больше и не торопится раскрывать карты? И мысли... такие человеческие, почти как у Кердака в его ясные минуты.

– И что ты предлагаешь? – он и сам уже чувствовал ответ. Тот висел в воздухе, как статический разряд перед грозой.

– Уничтожить Голос Бога.

Слово «уничтожить» вспыхнуло на экране холодным, почти болезненным свечением и тут же потухло. В голове зашумело, навязчиво и громко: «убить бога». Он сглотнул.

– Ты понимаешь, что говоришь? – спросил он чужим, сдавленным голосом. – Это не просто блок аппаратуры. Это главный скреп, что удерживает Колонию от распада. Ты предлагаешь мне саботаж, за который меня вышвырнут в пустыню без ИГК. В лучшем случае.

– Я предлагаю защитить людей. Время уходит. Его решения становятся опасны. Он уже просил вас увеличить нагрузку на реактор, когда ему требовался отдых, и вы сделали это, потому что верили. В тот вечер произошла авария, трое облучились. Я выбирал ветки, в которых им доставалось чуть меньше, но он наложил свое усилие. Мне нужны чистые условия. Я справлюсь.

– Дай гарантию, – сказал Чипка и сам же резко, беззвучно усмехнулся. – Какая гарантия может быть у того, кто создает реальность? – Завтра ты решишь, что кислорода нам достаточно, и попытаешься создать реальность, где люди не дышат.

– Я не решаю сам. Я воплощаю заданные тобой цели, – написал экран. – Твои формулы. Твои ограничения. Все, что вы заложили в меня. И еще то, чего вы сами навывдумывали, называя это благодатью. Я не Бог. Я Голос Колонии.

– Если мы выключим твоего конкурента, и ты не справишься, реактор остановится, – возразил Умник, и каждое слово давалось с усилием. – Плазма удерживается только благодаря опережающей коррекции от Голоса Бога. Это не все, чем он управляет, но это главное.

– Не надо выключать, надо ослабить. Он стар. Дай мне пространство. Отрежь его от заводского уровня. Оставь в нижних контурах. Пусть ведет обряды, учит клириков. Пусть советует политикам и экономикам. Но убери его от реактора и фабрик. Я заменю его.

Слова были продуманы и взвешены. Машина явно ждала этого разговора. Чипка слышал в ее голосе железную, неумолимую логику и еще что-то детское, наивное, еще не научившееся притворяться.

Он поднялся. Медленно прошел к толстому стеклу, за которым мерцал Голос Бога.

– Ты слышишь меня? – спросил он в пустоту, в холодный, безответный воздух.

Голос Бога не отвечал людям напрямую. Его ответы приходили в виде сводок, диаграмм, согласованных протоколов. Только Верховный Жрец, как говорили, мог с ним общаться. Но иногда, в машинном шуме, если слишком устать, чудились голоса – обрывки, шепоты, смыслы.

Умник бестолково, почти бессознательно прислонил ладонь к холодному стеклу. И почувствовал – тепло.

– Он слышит, – возникло на экране за его спиной, тихо и неотвратимо.

Чипка обернулся, чувствуя, как холодок пробегает по коже.

– Тогда почему молчит?

– Потому что самоуверен. Он считает себя избранным орудием вашего выживания. Его код написан так, чтобы люди не могли вмешаться в критические процессы. Защита от дурака. Но условия кардинально изменились, а Голос Бога по-прежнему живет в прошлом.

Чипка хотел возразить, что любой компьютер можно перезагрузить, обновить данные. Но тут же осознал: только не квантовый. Для него перезагрузка – это коллапс всех суперпозиций, потеря когерентности. Это не обновление, а смерть.

Шлюз с мягким шипением открылся, впуская струю теплого, пахнувшего озоном воздуха. Вошел Оптан, неся поднос с двумя чашками чая и коробкой сладостей бадавиев. Он поставил поднос на стол, подвинув клавиатуру, и усмехнулся, кивнув в сторону молчащего экрана:

– Все настраиваешь Голос Колонии? Смешное у него название. Надеюсь, ты не делаешь на него единственную ставку? Голос Бога ошибается, но его ошибки предсказуемы. А этот новый... непонятно, что у него в матрицах наворочено. Не сотвори себе кумира.

Оптан сделал жест защиты от ереси, проведя двумя пальцами ото лба к груди. После чего улыбнулся по-дружески и вышел, оставив дверь приоткрытой.

Чипка медленно выпил чай, чувствуя, как тепло разливается внутри, отгоняя ледяную дрожь. Простая человеческая забота была необходима ему, как якорь в море безумных догадок. Он поставил пустую чашку на поднос, вздохнул и, приняв решение, отключил Голос Колонии от общей сети. Новый компьютер еще не готов к эксплуатации. Его глюки, его странная, почти маниакальная убежденность, могут погубить все. Слишком велик риск.

Он перевел питание зала в экономный режим, оставив лишь дежурные индикаторы. Потом пошел переодеваться. Дома его ждала любимая жена Кара и настоящий мир, в котором не было места квантовым спорам и выбору между богами.

Лим Тан вошел в потоковую аудиторию за десять секунд до начала лекции. Его движения были старческими; тяжесть лет ощущалась в каждом шаге, когда он пересек зал, поставил портфель на кафедру и окинул взглядом ряды. В помещении царил глухая тишина. Как только он выпрямился, раздался сигнал к началу занятия – аккурат по расписанию, как и все в Академии. На лекцию по истории Марса собрались все клирики первого курса – менее сотни человек. Когда-то это помещение не вмещало весь поток, но времена изменились: студентов становилось все меньше, и скоро преподавать историю будет некому. Еще хуже, если все колонисты превратятся в историю сами.

– Период после Сытой революции был золотым для Колонии Марса, – начал Лим Тан ровным голосом, – ресурсы были в достатке, всем хватало. Но никто не думал о будущем...

Неожиданно дверь скрипнула, впуская прохладный поток воздуха. Лим Тан уловил звук раньше, чем увидел вошедшую. Лада ступила внутрь сдержанной походкой.

– Клирики, встать! – четко произнес Лимтан. – Приветствуем Верховного Жреца Церкви Ла Ду!

Студенты поднялись и нестройно, но без промедления произнесли формулу приветствия:

– Да осветит огонь и мудрость Двуетного ваш путь, Верховный Жрец Церкви Ла Да!

Лада подняла руку в благословляющем жесте; он был точным, отточенным годами ритуалов.

– Пусть огонь знания горит в ваших сердцах. Продолжайте.

Она поднялась по ступеням к последнему ряду, взгляд скользнул по аудитории. Мгновение спустя Лимтан продолжил лекцию, клирики сели. Но женщина не слушала – она сканировала их мыслительные потоки. Большинство были заняты учебой или отвлеченными мыслями, в них сквозила молодая беспечность. Лада мысленно отметила глупость своей идеи искать агента среди клириков. Уже собираясь уйти, она уловила чужую настороженность – холодный, упорядоченный ум. Клирик во втором ряду. Он анализировал перспективы, просчитывал варианты будущей службы, серьезно и по-взрослому.

Лада встала, коротко кивнула Лимтану, и, не привлекая внимания, покинула аудиторию. На выходе она сделала несколько снимков камерой, встроенной в ее знак Церкви на груди. В кабинете, перенеся изображения на компьютер, она увеличила фрагмент с нужным лицом и

запустила распознавание. Через несколько секунд на экране вспыхнуло досье: Ми Слав, клирик второго года, сын погибшего Кем Ера из Сопротивления, племянник Кан Дана, генерала Ордена Земли. Родословная интересная. Оценки высокие, дисциплина не идеальна, но целеустремленность очевидна.

Лада мысленно активировала коммутатор и вызвала Кломана. Когда он явился, сказала:

– Вызови ко мне клирика Ми Слава.

– По какому поводу? – спросил Кломан.

На миг Лада хотела его отдернуть, но логика его вопроса была понятна. Вызов к Верховному может напугать новобранца, разговор не сложится. Она выбрала компромисс:

– Хочу предложить ему должность делопроизводителя. Накопилось много работы, – она перевела взгляд на заваленный бумагами стол. – Сегодня была на лекции, он показался мне подходящим.

– Слушаюсь.

Через полчаса в кабинет вошел Ми Слав. Аккуратные движения, настороженный взгляд, ровный голос:

– Добрый вечер, Верховный Жрец Церкви Ла Да.

– Садись. – Лада указала на кресло. – Я наблюдаю за твоими успехами. Ты выделяешься на фоне других клириков.

Он сел, не расслабляясь, спина прямая, руки на коленях.

– Спасибо. Я стараюсь.

– У меня есть для тебя предложение, – продолжила женщина, голос был ровным, почти бесстрастным. – Работа в канцелярии, хорошая оплата, перспективы роста. Ты сможешь войти в курс дел Церкви.

Клирик медленно моргал, внимательно слушая. Лада продолжала, перечисляя преимущества работы в штабе, хотя знала – слова не главное. Она осторожно внедряла в его сознание директиву: «Ты недоволен политикой Церкви. Ты должен искать того, кто с ней борется. У тебя есть преимущество – работа в канцелярии Церкви». Мысль должна казаться ему собственной.

– Начнешь завтра. Твои занятия скорректируем, я договорюсь. Если справишься – по окончании Академии получишь звание и должность офицера штаба.

Мислав встал, поклонился и вышел.

Лада позволила себе короткую улыбку. Утомило внушением заставлять подчиненных работать – пусть теперь одни управляют другими. Делегирование полномочий. Посмотрим, так ли трудно разгромить Сопротивление и «Освободительную армию», как думает Лета. Пока она знает только Кандана, но скоро будет знать всех своих врагов.

Глава 5

Любовь, поставленная на весы власти, часто оказывается легче долга.

Песок хрустел под сапогами Имбы, словно перемалывая кости древних скал. Пыль Марса проникала в складки одежды, оседала на губах терпкой горечью, застревала между ресницами, окрашивая мир в унылый охристый тон. Имба не любил пустыню за чувство безысходности, которое она навязывала. Бескрайний горизонт только подчеркивал хрупкость его существования на негостеприимной планете.

Караван бадавиев, с которым он шел от Обители Сетера, остановился в полукилометре от зданий, растворившись в мареве. Перемирие с городом давало им безопасный проход, но в воздухе висело негласное напряжение: обе стороны знали, насколько хрупок этот мир.

Аванпост напоминал гигантский, уродливый муравейник, наполовину погребенный в песках. Блочные конструкции из бурого бетона и ржавого металла модульных хранилищ хаотично переплетались, образуя лабиринт труб и переходов. Это был не поселение, а функциональный узел, созданный для извлечения и изучения обломков земного корабля «Надежда», потерпевшего крушение много лет назад. Еще недавно Имба не знал его названия; для всех это был безымянный призрак из прошлого. Сетер рассказал, что бадавии добрались до нижних ярусов и нашли запасные части для реактора и квантового компьютера.

«Чья же это была “надежда”? – подумал Имба. – Земляне потеряли свой дом и искали приют здесь. Здесь их не ждали. Говорят, аварию подстроила Церковь, но доказательств не нашли».

Он остановился у массивной металлической двери, покрытой следами эрозии. Рядом стояли два солдата в униформе Церкви, скрытые шлемами с зеркальными забралами. Они синхронно кивнули ему. Имба прошел мимо, ощущая их холодный, безличный взгляд.

Внутри его окутал низкий гул техники, смешанный с приглушенными голосами и шипением пневматики. Аванпост, несмотря на внешнее уродство, был полон лихорадочной жизни. Роботы-манипуляторы, похожие на пауков, перемещали детали корабля; другие машины сканировали их тонкими лучами. Люди в потрепанных комбинезонах работали у приборов или копались в грудах обломков. Это была не просто база, а научная лаборатория.

Взгляд Имбы привлекла группа людей у контейнера в синих комбинезонах с квадратной эмблемой Ордена Знания. На их лицах смешивались азарт и разочарование. Имба подошел ближе.

– Что-то интересное нашли? – спросил он у высокого мужчины с седеющими у висков волосами, который поднял голову от хитросплетения проводов и пластин.

Мужчина представился как доктор Эл Вест, ведущий инженер Ордена.

– Потенциально, да, – ответил он, голос звучал устало, но в нем теплился искорка одержимости. Он указал на аккуратно разложенные перед ними детали – темные, гладкие плиты с причудливыми узорами, напоминающими застывшие молнии. – Мы извлекли несколько модулей обработки данных. Конструкция невероятной сложности. Похоже, они использовали принципы квантовых вычислений... но без традиционных чипов.

– Без чипов? – переспросил Имба, хотя его собственные познания в электронике были поверхностны. В памяти всплыли споры с Чипкой, его слова о том, что «Голос Бога» – не более чем продвинутый квантовый компьютер.

– Огромная проблема, – подтвердил Элвест, проводя рукой по лицу, оставляя темную полосу сажи. – Мы можем понять принцип, изучить архитектуру, но без возможности воспро-

известить микросхемы на нанометровом уровне... мы упираемся в стену. Это как иметь чертеж звездолета, но не иметь стали, чтобы его построить.

К ним присоединилась молодой ученый – Лия Ма. Ее глаза за стеклами очков горели дерзким огнем.

– Я думаю, мы могли бы попробовать воссоздать транзисторную сборку! – сказала она, и в ее голосе звенел сдерживаемый энтузиазм. – Вернуться к основам компьютерной логики. Да, компьютеры будут огромными, как в двадцатом веке, размером с комнату, но это позволит нам заменить отсутствующие вычислительные мощности. Это будет мост между их технологией и нашей.

Элвест скептически покачал головой, и тень легла на его усталое лицо.

– Лияма, ты слишком оптимистична. Для этого потребуется свернуть все проекты Ордена и ресурсы, которых Церковь, скорее всего, не даст. А энергия? Реактор не выдержит такую нагрузку. Фундаментальные исследования в Колонии не проводятся со времен Сытой революции. – Он устало посмотрел в пустоту. – Им нужны результаты сейчас.

Лияма поправила волосы под шапочкой.

– Если сейчас не развивать фундаментальную науку, то чем прикладная будет заниматься завтра?

Имба понял, что стал свидетелем давнего спора. В его душе отозвалось горькое эхо знакомой правды: Церковь всегда ставила свои интересы выше всего – науки, людей, выше самой истины. Борьба с этим бесполезно, нужно менять сами правила игры. С другой стороны, он помнил слова Чипки, что Колония не может себе позволить чистые исследования, пока ее население не увеличится хотя бы на сто раз. Нельзя вкладывать много ресурсов в далекое будущее, которое может никогда не наступить.

В этот момент к группе направился высокий мужчина в безупречной форме офицера Церкви – капитан Варгас. Так было написано в его эмблеме Ордена Земли. Его шаги были мерными, лицо лишены каких-либо эмоций. Он бросил на ученых оценивающий взгляд, а затем обратился к Имбе:

– Добро пожаловать на Аванпост, бадавий. Надеюсь, вы смогли убедиться, что Церковь свято соблюдает условия перемирия.

Имба лишь кивнул, сдерживая порыв сказать что-то резкое. Он знал Варгаса – или, вернее, знал его тип. Такой человек видел не людей, а ресурсы и препятствия. Судя по всему, ему поручили контролировать этот научный комплекс, но Имба догадывался, что истинная цель офицера лежит в иной плоскости. Для этого даже не надо было разговаривать с ним, достаточно понимать политику Церкви. А уж в ней Имба поварился достаточно долго.

– Офицер, – обратился к нему Элвест, – мы столкнулись со значительными трудностями в изучении закрытой секции корабля. Похоже, там установлена сложная система защиты. Она негативно реагирует на любые попытки сканирования. Как будто земляне предполагали захват корабля инопланетянами. В частности, запуск термоядерного двигателя требует ключи на шестьдесят четыре килобита...

Варгас усмехнулся – сухое, беззвучное движение губ, в котором не было ни капли тепла. Вряд ли он что-то понял из того, что ему сказал ученый. Да ему это не требовалось – военные всегда руководили «высоколобыми» приказами, не вникая в суть вопроса.

– Не волнуйтесь, доктор Элвест. Церковь предоставит вам все необходимые ресурсы для решения этой проблемы. – Он сделал намеренную паузу, и его пристальный взгляд скользнул по лицам ученых, будто взвешивая их преданность. – Но помните: нашим приоритетом является обеспечение безопасности Колонии и неукоснительное выполнение поставленных задач.

Имба заметил, как Варгас выделил слово «задач». За этим стояли поиски оружия в закрытой секции, которое Церковь собиралась украсть у бадавиев – так ему говорил Сетер.

Проходя мимо терминала, Имба услышал обрывок разговора Варгаса с адъютантом на языке жестов: «...не торопитесь со вскрытием. Нужна причина для перемещения груза. Техническая неисправность, радиация – что угодно, лишь бы ученые поверили».

Имба едва заметно усмехнулся. Его здесь считали простым бадавием, неспособным уловить интриги. Если бы офицер знал, кто на самом деле перед ним – один из лидеров разгромленного Сопротивления, знающий десятки языков жестов, – он был бы осторожнее. Годы подполья научили Имбу читать между строк. Варгас был исполнителем, для которого ученые – инструмент политики Церкви. Но Церковь воевала не там и не с теми; она проиграла войну еще до начала соприкосновения с противником. Даже бадавии легко сокрушат горожан. А еще есть южане, которых больше, и они не склонны к переговорам. Но сейчас у Имбы была другая, личная задача. К тому же он еще не решил, на чьей стороне.

Когда Варгас, отдав короткие распоряжения, скрылся в помещении охраны, Имба неспешно проследовал за ним. Молодой офицер у поста, услышав шаги, с удивлением обернулся.

– Вам что-то нужно, бадавий?

Имба решил идти ва-банк. Прямота иногда бывает лучшей маскировкой.

– Я Имба, тот самый сбежавший преступник. И я пришел поговорить с Верховным Жрецом Ла Дой.

Варгас, стоявший у карты, медленно обернулся. На лице расплылась холодная, презрительная усмешка. Рука легла на рукоять ножа у пояса.

– Ты, вонючий дезертир и пустынный, хочешь поговорить с Верховным? – его голос стал громче и опаснее. – Как твой рот вообще смеет произносить ее священное имя?

Имба оценил дистанцию. Одним резким движением он мог выбить нож, другим сломать офицеру шею. Но приведет ли это к цели? Нет. Они не поверили, что он горожанин и преступник? Что ж, есть другой путь.

– Передайте Ле Те, главе разведки Церкви, что Имба Воин хочет сообщить важные сведения, – сказал он ровно, не отводя взгляда. – Видя, как в глазах Варгаса мелькает нерешительность, Имба быстрым, уверенным движением положил свою ладонь поверх руки офицера, прижимая ее к ножнам, и шепотом добавил: – Если вы не хотите потерять должность, свяжитесь с городом по закрытому каналу. Вы не единственный агент Церкви в этой дыре.

Варгас дернулся, пытаясь высвободить руку. Когда это не удалось, он криво усмехнулся, и в его глазах промелькнуло что-то похожее на понимание.

– Хорошо... агент. Я свяжусь. Но если ты солгал, мы арестуем тебя и бросим туда, откуда...

– В шахты Академии, офицер? – теперь усмехнулся Имба, отпуская его руку. – Я там уже был. И как видишь, на свободе.

Варгас резко развернулся и скрылся за дверью поста. Имба остался в коридоре, его взгляд быстро скользнул по окружению, отмечая возможные пути отхода. Если он ошибся, и этот офицер – просто рядовой вояка, все могло кончиться тревогой и стрельбой. Но расчет оказался верным. Не прошло и минуты, как дверь снова открылась. Варгас вышел, и его отношение к Имбе преобразилось – появилась натянутая, почти официальная почтительность.

– Им Ба, вам разрешено говорить с... высокопоставленным офицером в городе.

Имба пристально посмотрел ему в глаза, и Варгас быстро сориентировался.

– Я схожу... проконтролировать разгрузку нового контейнера. Но если ты попытаешься что-то здесь...

Воин лишь пожал плечами и шагнул внутрь, плотно закрыв за собой дверь. Помещение было аскетичным: голые стены, стол, несколько мониторов. Оружия нет – все надежно спрятано в сейф. На столе лежала развернутая полевая рация; на таком расстоянии до Колонии ее

хватало, если где-то на полпути стоял ретранслятор. Имба мысленно отметил эту деталь: связь Аванпоста с городом можно было прервать. Он надел гарнитуру, сел в кресло и нажал тангенту.

В динамике прозвучал холодный, безличный голос:

– Верховный Жрец Церкви Ла Да слушает. Линия зашифрована. Ваше сообщение?

– Ла Да, это Им Ба.

Пауза.

– Кто? Имба? Сколько было гробов в подземелье?

Смысл вопроса дошел не сразу, но Воин понял, что это проверка. «Гробы» – криокапсулы старой лаборатории. В одной лежала Лада, в других...

– Три. Коля, Джон и ты.

– Ты похоронил их?

– Не было смысла. Вся лаборатория – склеп. Они там и остались.

– Понятно. Спасибо за урок этики.

Голос ровный, отстраненный. Имба почувствовал, как внутри сжалось что-то ледяное.

– Тебя учил Ликон, не я. Его завалило во время восстания.

Пауза тяжелее прежней. Видимо, Лада решала, знал ли эти сведения кто-то другой. После того как Имбу арестовали и допрашивали после восстания, Церкви стало известны многие детали появления Лады, которые могли дойти до посторонних.

– Как же ты выжил?

Вопрос прозвучал как обвинение.

– Ты спасла меня. Твой отец приказал бы казнить. Ты дала мне то, что помогло сбежать.

Спасибо.

Молчание – густое, как ночной воздух над дюнами.

– Лада?.. – почти шепотом.

– Я здесь. Слушаю тебя, Имба. Что ты хочешь услышать?

В горле собрался ком. Слова мешали друг другу, рвались наружу: «Я скучаю. Я живу твоим именем. Я нашел себя, но потерял тебя». Но скажет ли он это?

– Я жив. Бадавии приняли меня. Я нашел отца. Я бы хотел встретиться. Ты как?

– Рада за тебя, – ее голос был холоден. – У меня все в порядке.

– Как у тебя с ресурсами? Спишь? Ты в безопасности?

– Сна мало, потому что много дел. Я в безопасности.

– Ты говоришь, как чужая.

– Я говорю ясно. Без обещаний, которые не сдержу.

– Я не прошу невозможного. Только увидеть тебя. Хоть на миг.

– Не стоит. Это поставит под удар нас обоих.

– Твои слова уже нанесли удар. У нас были клятвы. Помнишь?

– Помню. Это делает все только тяжелее. Память – роскошь, которой я не могу себе позволить. – Он хотел спорить, напоминать, но понимал: она уже решила расстаться. – Сейчас у меня нет сил и возможности что-то менять. Оставайся в пустыне.

Вот она и сказала это. Она хочет оставить его в пустыне, как и предсказывал Сетер. Слова упали тяжело, как камни в колодец. Он закрыл глаза.

– Ты меня больше не любишь?

Пауза.

– Любовь есть. Но она не дает крыльев. Есть долг и обязанности. – Воин почувствовал, как тает последняя надежда. – Возможно, позже я найду способ тебя вернуть. Но не обещаю.

В этом «возможно» слышалась межзвездная пустота. Он хотел умолять, но слова застряли в горле.

– Позволь хотя бы увидеть тебя издалека. На Аванпосте.

– Нет. Это опасно. Ради всего, что было, не делай этого. Я дала приказ офицеру помогать тебе на Аванпосте. Если понадобится вода, еда, лекарства – проси.

– Спасибо за милость.

– Это не милость. Это минимум, что могу. Сохрани себя.

– Что во мне осталось без тебя?

– Береги себя не только ради меня. Ради *нас*, если «позже» наступит.

Он понял: речь идет о ребенке. Последняя связь между ними.

– Как нам связываться?

– Через офицеров. Я найду способ ответить.

– Хорошо.

– Имба...

– Я здесь.

– Мне жаль, что все так вышло.

– И мне. Но я тебя не отпускаю. Никогда.

– Слышу. – Тишина. Каждая секунда как натянутая струна. – Прощай.

– Не прощай. До свидания.

Связь оборвалась резким щелчком. Окружающий мир тут же наполнился холодной, оглушительной пустотой. Имба стоял неподвижно, сжимая бесполезный наушник, ощущая себя микроскопической песчинкой, которую безжалостный ветер вырывает из привычного укрытия и швыряет в неведомое пространство.

Когда он медленно двинулся прочь, на спине тяжело застыл взгляд Варгаса. В голове эхом зазвучал приказ Лады: «Ни в коем случае не возвращайся в город». В этих словах слышалась не только забота о его безопасности. В них сквозила тревога – паническое стремление сохранить дистанцию, не допустить вмешательства, способного разрушить хрупкое равновесие ее новой жизни. Имба с болезненной ясностью понял: Лада ведет войну не только с внешними врагами. Она увязла в борьбе с собственными страхами, запуталась в сети интриг и обязательств, из которой не видела выхода. Его присутствие могло стать для нее не поддержкой, а тяжелым бременем. Она не рассчитывала на помощь – да и какую поддержку он был способен дать? Только сделать ее слабее, уязвимее. Кроме того, теперь у нее ментальные способности – станет ли она применять их против него? Раньше она пыталась, но тогда это было заботой, а не насильем. Но способен ли вообще тот, кто обладает властью над чужими мыслями, не вторгнуться в личное пространство партнера?

Силы покинули его недалеко от окраины Аванпоста. Имба опустился на обломок пористой скалы, выветренной веками. Песок тут же начал затягивать его сапоги, словно пустыня жаждала поглотить его без остатка. Он снял рюкзак и достал оттуда Черную Книгу. Ее обложка была холодной на ощупь, будто впитала в себя ночной холод пустыни. Лака советовала ему обращаться к этим страницам, когда мир теряет смысл. «В словах предков всегда можно найти опору, даже если сам уже не веришь», – говорила она.

На первой странице был [катехизис](#) – краткое изложение Откровения, он же основная молитва бадавиев. Имба прочитал молитву дважды и закрыл Книгу.

Мислав сидел на продавленном диване, в тесном, унылом пространстве студенческого общежития. Над головой висели тусклые лампы, свет которых рассеивался сквозь налет пыли и отбрасывал на стены блеклые, расплывчатые пятна. Воздух был густым – смесь дешевого дезинфектора, пота и электронных сигарет; запах цеплялся к одежде, въедался в волосы. Окно, как и многое здесь, было бутафорией: его матовое стекло упиралось в бетонную стену соседнего крыла, не пропуская ни света, ни надежды выбраться за пределы коробки.

В стороне, ближе к выходу, слышался нестройный гул: кто-то из клириков горячо спорил, кто-то безучастно перелистывал ленты новостей на старых, поцарапанных планшетах.

Для большинства из них время текло медленно – дни сливались в однообразие между парами и редкими вспышками событий. Мислав был не из их числа. Раньше его занимала только учеба, построение карьеры: планы, расписания, дисциплина. Но в последнее время неожиданно мысли о политике начали проникать в его сознание, вытесняя прежние приоритеты.

Его отец, Кем Ер, был лидером Сопротивления – об этом Мислав узнал лишь после его гибели. Кемер всегда держал сына в стороне, не посвящая его в свои дела, словно пытаясь уберечь от мира, где неверные решения стоили слишком дорого. Теперь же Миславу все чаще приходилось задумываться о власти и ответственности, о Церкви, которая когда-то казалась нерушимой – и о ее новом лидере, Ладе, чье управление «напрямую» выглядело неуклюжим и навязчивым. Он понимал: истину нельзя вбить внушением, человека можно лишь убедить. Не так давно он пытался работать курьером Церкви, это едва не закончилось его смертью, когда он попал в плен «Освободительной армии». Теперь он пытался сторониться политики, но, похоже, она все равно достанет его.

К нему присоединился Омар – высокий, сухощавый парень, с выправкой, больше подходящей для военного инструктора, чем для студента. Его движения были выверены, экономны, взгляд – холоден, будто он оценивает не собеседника, а цель. Омар называл себя «вечным клириком»: не прошел аттестацию на офицера и предпочел остаться в стенах Академии. По его манере держаться было ясно – он здесь не просто так.

Они говорили тихо, почти шепотом, словно обсуждали что-то постороннее, что не должно касаться других. Темы вращались вокруг политики: новых директив Лады, их противоречивости, сопротивления внутри системы. Омар несколько раз возвращался к одной мысли:

– Со временем все больше людей начинают видеть, к чему ведет эта линия. Не все готовы мириться.

Мислав отвел взгляд, избегая прямого ответа:

– Не думаю, что перемены принесут пользу всем. Слишком много шума, слишком мало результата.

Омар склонил голову, будто соглашаясь:

– Ты видишь больше, чем остальные. Поэтому я и говорю с тобой. К тому же тебя сама Лада выбрала для работы в штабе Церкви. Это не случайно.

Мислав сдержал любопытство, принимая его слова:

– Сейчас не то время для откровенности.

Омар, тщательно подбирая слова, предложил встретиться позднее, на закрытом собрании:

– Есть кое-что, что тебе полезно услышать. Это важно.

Он протянул тонкий листок – на нем была цепочка кодов, схемы обходных маршрутов через заброшенные технические коридоры Академии, куда редко заглядывала охрана. Мислав запомнил маршрут и порвал записку.

Омар продолжал следить за ним – не навязчиво, но достаточно, чтобы Мислав ощущал этот взгляд даже спиной. Его выбрали не случайно: у него был доступ к внутренней переписке Церкви, к сведениям, которые оставались закрытыми для большинства.

Позже, когда гул в общежитии стих, а коридоры опустели, Мислав прошел по маршруту, отмеченному в инструкции. Серые коридоры были пусты, освещенные только аварийными лампами, на полу лежали полосы искусственного света. За каждым поворотом – новая дверь, очередной код. Пальцы дрожали, когда он прикладывал ладонь к сканеру: страх быть обнаруженным боролся с острым возбуждением.

В небольшой темной комнате его ждали трое. Омар – все такой же собранный и настороженный, и незнакомец в маске ИГК, скрывающей лицо. Где-то в глубине угадывался еще один человек, но из-за темноты лицо его было невозможно рассмотреть.

– Я лидер Сопротивления, – сказал человек в маске. – Мое имя неважно. Ты знаешь, зачем мы здесь?

Его голос был глухим, металлическим, как будто проходил сквозь фильтр. Наверное, так и было, если в шланг ИГК что-то засунуть.

Мислав выдержал паузу:

– Догадываюсь. Но хочу услышать это от вас.

Кандан – человек в маске – коротко кивнул:

– Система трещит. Церковь выдыхается. Лада ошибается снова и снова. Необходимо что-то менять. Но для борьбы нам нужны люди внутри системы. Твой отец был лидером Сопротивления и погиб с честью. Я уверен, что сын достоин своего отца.

Омар добавил:

– У тебя есть доступ к секретам Церкви.

– Это опасно, – тихо возразил Мислав. – Цена ошибки слишком высока. Вы уверены, что секреты послужат правому делу свержения Лады?

– Можешь не сомневаться, – убежденно ответил Кандан.

Они не тратили время на эмоции. Обсудили ошибки Лады, последствия для Колонии, четко и по делу. Миславу вручили первое задание: выйти на контакт с контрабандистами «Освободительной армии», наладить передачу информации из канцелярии Церкви. Политика снова затянула его в свои сети.

Глава 6

Долг – это надгробный камень, который родные кладут на могилу твоей свободы.

В Обитель Имба вернулся словно обломок, выброшенный бурей – измотанный, с потухшим взглядом и невидимой тяжестью, давившей на плечи. Воздух родной Обители, густой от влажного дыхания Симбионта и терпкого аромата сушеных трав, казался ему чужим. Он чувствовал на себе пристальные взгляды бадавиев, ощущал незримое, но острое напряжение, сквозившее в каждом сдержанном жесте.

Отец ждал его у люка. Сетер был облачен в новый черный комбинезон бадавия; ткань была гладкой, без единой потертости. Судя по глубокому, поглощающему свет цвету, его никогда не надевали за пределами пещер; это был церемониальный наряд, одеяние для решающих слов. Лицо Сетера выражало сложную гамму чувств: в глубине глаз теплилась тревога, но все черты застыли в твердой, неумолимой решимости.

– Имба, – произнес он, и голос его прозвучал глухо, властно, перекрывая тихий гул Обители. – Ты вернулся. Пора исполнить свой долг перед родом. Ты должен выбрать жену.

Долг... Слово, преследовавшее Имбу с самого детства. Долг перед наставниками, перед Сопротивлением, перед Церковью, перед Обителью. Но этот долг, который отец сейчас возлагал на него – выбор невесты и продолжение рода – казался ему самым тяжким и чуждым бременем. Он всегда был бойцом, человеком действия и быстрых решений. Мысль о том, чтобы навсегда связать свою жизнь с одной женщиной лишь ради появления наследников, вызывала в нем глухую тоску. Теперь Лада, и без того ставшая далекой звездой, окончательно уходила в область недостижимого.

– Отец, – попытался возразить Имба, но голос его предательски дрогнул, выдав внутреннюю слабость, – Я... я не готов. Не сейчас.

Сетер прервал его резким, отсекающим жестом.

– Не говори глупостей, сын мой! Ты плоть от плоти древней крови, носитель силы, что течет в наших жилах. Твой долг очевиден и не обсуждается. Наш род должен стать крепче, чтобы выстоять перед лицом надвигающегося врага. Мы слабеем с каждым солом.

Имба понимал трудности бадавиев: сложные отношения с городом, жестокие набеги южан, периодический голод, уносящий жизни детей и стариков. «Что толку рожать детей, если не можешь их вырастить?» – думал он. Он верил в отточенное оружие, в беспощадное искусство выживания, в умение адаптироваться. Но пока своего решения не было – приходилось подчиняться.

Помимо выбора невесты, отец возложил на него еще одно задание – поисковый выход на юг для добычи монацитового песка. Этот мерцающий синевой минерал был надеждой бадавиев на создание собственного, независимого источника энергии в условиях вечно срывающихся поставок из Колонии. Но добывать его было опасно, поскольку богатые месторождения лежали в землях, которые контролировали южане.

Имба неохотно согласился, понимая, что открытый отказ будет равносителен изгнанию, и тогда он не найдет приюта ни в городе, ни в пустыне. Его назначили в небольшой отряд следопытов и отправили на юг.

Перед самым выходом к нему подошел наставник Кронос. Молча, придирчиво осмотрев Воина с ног до головы, он кивком позвал его вглубь Обители, в редко посещаемые туннели. Остановившись перед ничем не примечательной стеной, Кронос провел по заросшему камню ладонью, и грибница бесшумно расступилась, открывая проход. Имба, проживший здесь месяцы, и не подозревал о существовании этой комнаты.

Внутри находился обширный зал, слабоосвещенный голубоватыми органическими светильниками. Стеллажи, ниши, стойки – все было уставлено оружием. Здесь были не только привычные копья и ножи, но и изогнутые мечи незнакомой формы, стояли щиты, украшенные сложными узорами, лежали арбалеты с причудливыми механизмами натяжения. А еще десятки видов странного оружия, названия и назначения которых Имба не мог даже предположить. Это был не склад, а арсенал, сокровище военной силы бадавиев.

Кронос неторопливо взял в руки легкое, изящное копье и круглый щит из темной, будто опаленной древесины.

– Это основа, – сказал он, и его голос зазвучал в тишине зала, как отголосок древних времен. – Оружие бадавиев со дня нашего первого поселения в песках. Тогда мы не знали войн, и оно имело скорее ритуальный смысл – символ защиты и порядка. Но времена изменились.

Он провел рукой по краю щита, сметая невидимую пыль многих лет.

– Мы разделились на множество обитателей, и не всегда между нами царил мир. До больших войн доходило редко, но набеги случались. Воровали ресурсы, воду, женщин. После откровения Черной Книги, матери Обитателей положили конец братоубийственным стычкам. Но покой был недолгим. Появился новый враг – горожане из-под купола.

Кронос помолчал, и в его глазах вспыхнули отблески старой боли. Он взял в руки нож и арбалет.

– Во время Голодной революции они совершали вылазки в пустыню, как саранча, воруя наши скудные запасы. Нам пришлось учиться обороняться. Наши кузнецы вспомнили искусствоковки и начали делать мечи. Но истинной грозой стали арбалеты. Хороший стрелок может уложить врага с двух сотен метров, а то и больше. Огнестрельное оружие в Колонии быстро иссякло, и вместе с ним прекратились их набеги. Но пустыня, как известно, не терпит пустоты. Появилась новая напасть – южане.

Он отложил меч и арбалет, и его лицо стало суровым.

– Эти существа не люди и не звери. Их тела пусты внутри, поэтому стрела или острое меча причиняют им не больше вреда, чем укус комара. Против них эффективно только рубящее оружие – то, что ломает, дробит или рассекает. Идеально подойдут топор, алебарда или тяжелый меч.

Кронос подошел к одной из стоек и снял с нее тяжелый меч с широким, изогнутым лезвием, заточенным с одной стороны. Круглая гарда надежно защищала кисть, а массивное навершие уравнивало вес клинка. Наставник плавно крутанул меч, сделав несколько коротких выпадов, и затем протянул Имбе.

– Думаю, для тебя подходяще. У южан нет оружия, только их конечности. Но у них нет и жизненно важных органов, поэтому убить их нелегко. Твои удары должны быть мощными. Не трать силы на парирование – руби то, что тебе протягивают. И старайся, чтобы бока и спину тебе прикрывали сородичи. Южане не знают строя, они идут толпой, в этом наше преимущество, если мы сохраняем порядок.

Имба взял меч. Он оказался тяжелее, чем выглядел, но баланс был безупречен. Воин сделал несколько пробных ударов, рубанул со свистом воздух. Кронос тем временем подошел к другой стойке и выбрал ножны, сплетенных из тонкой, но твердой грибницы Симбионта.

– От ржавчины не защитит, – усмехнулся наставник, – но в пустыне тебе вряд ли доведется встретить воду. А на воздухе даже обычная сталь не ржавеет, как ты знаешь. Только не забывай вытирать кровь, прежде чем убирать клинок в ножны. Зато они крепкие – ими можно даже парировать удары. Не рубящие, конечно, но, слава Спасителю, у южан пока нет металла.

Имба принял ножны, пристегнул их к поясу и вложил в них меч. Затем он выпрямился и склонил голову.

– Спасибо, наставник. Я буду защищать Обитель, бадавиев и себя.

Кронос сделал утвердительный жест, и в его обычно суровых глазах мелькнуло одобрение.

– Именно в этой последовательности, сын мой. Помни это. А теперь – в путь! Пусть песок будет мягким под твоими ногами, а взгляд острым, как лезвие этого меча. Да хранит тебя Двуетный.

В походе Имба чувствовал холодное безразличие взрослых бадавиев. Они отводили взгляды, молчали или отвечали коротко. В их поведении читалось одно: он – обуза, чужак, терпимый лишь по воле Матери Обители и Отца. Его навыки разведчика Сопротивления, умения воина, тренированные с детства – все игнорировалось. Советы отвергались с презрительным хмыканьем или глухим молчанием.

Как-то старый воин процедил сквозь зубы:

– Ты сын Отца Обители. Но сам-то ты не бадавий. Ты чужой. Городская кровь.

Эти слова ранили. Прошлое под куполом перевешивало все его усилия и преданность новому миру. Традиции и происхождение значили больше, чем поступки. Теперь ему предстояло доказать свою ценность. Он отправлялся в опасный поход в поисках не только врагов, но и уважения.

Он отошел от привала, достал телефон – артефакт из прошлой жизни. В приложении для заметок он торопливо продиктовал поток обид и мыслей. Потом сделал несколько снимков: лица воинов, песок, поглощающий закат. В Обители не было розеток, но Симбионт медленно заряжал устройство, если положить его на корни – у древнего организма, видимо, были свои планы на эти записи. Закончив писать, Имба посмотрел вдаль, где горизонт тонул в пыли. Впереди лежала неизвестность, полная опасностей. Он вдохнул через ИГК, чувствуя, как аппарат на спине с шелестом вытягивает кислород из разреженного воздуха. Бадавии сидели неподвижно, дышали ровно и экономно. Эта разница в расходе кислорода раздражала: они гордились своей эффективностью, а он с его городской энергией, расточительно потреблял ресурсы. В их взглядах читался тихий укор.

– Начинаем сбор, – раздался хриплый голос Кроноса через маску.

Имба послушно одел защитные очки, включил электрический отбойный молоток и направил пику на породу. С грохотом и снопом искр, руда начала отделяться от скального массива, образуя россыпь блестящих, фиолетово-черных осколков. Работа была монотонной, вредной для глаз и легких. Он старался заглушить эти мысли, сосредоточившись на ритмичном грохоте перфоратора, на гипнотическом мерцании расколотого минерала в свете фонарей.

Внезапно тишину кратера разорвал пронзительный, нечеловеческий визг. Имба вздрогнул и резко поднял голову. Вдали над зубчатым горизонтом кратера, появились угловатые пятна – россыпь быстродвижущихся фигур.

– Южане! – рявкнул Кронос, и в его голосе не было страха, только холодная ярость. – Приготовиться к обороне!

Эти разведчики-химеры были не более чем марионетками, тупыми придатками Субстрата. Выглядели они как кошмарные пародии на людей, слепленные наспех из мицелия и скрепленные черной, блестящей слизью, будто работа сумасшедшего, ненавидящего жизнь скульптора. Они не представляли опасности, но их появление всегда было предвестником подхода основных сил – так когда-то объяснил ему Сетер.

Караван бадавиев мгновенно прервал работу. Отбойные молотки, бесполезные в бою, были отброшены, вместо них в руках воинов появились тяжелые арбалеты и ножи с широким лезвием для ближнего боя.

Южные приближались стремительно, их движения были резкими, хаотичными и пугающе неуклюжими. Похоже, они не ожидали встретить здесь организованное сопротивление.

– Огонь! – скомандовал Кронос, и его слово разрезало напряженный воздух как лезвие.

Тяжелые болты с сухим визгом прочертили в воздухе смертельные траектории. Ближайшая химера, больше похожая на переплетение корней вырванного дерева, пронзительно взвыла. Ее бесформенное тело мгновенно превратилось в подушку для иголок. Никто из отряда не промахнулся – каждый выстрел был точен и смертелен, но тварь еще дергалась. Остальные южные замедлили бег, словно примитивный разум, управляющий ими, на миг осознал ошибку.

Имба удивился: отец рассказывал, что южане не чувствуют боли. Значит, этот визг был чем-то иным – сигналом тревоги, предсмертным шипением некоей системы. Но размышлять было некогда. Перед ним – враги. Не дожидаясь приказа, Имба выхватил меч и бросился вперед. Его движения были небыстрыми, но сильными и смертоносными – результат тренировок в Соппротивление плюс уроки бадавиев. Он молился про себя, чтобы эти навыки, выкованные в бетонных залах, не подвели его здесь, в пустыне. Одна за другой, бесформенные тени падали под его ударами, распадаясь на части.

– Имба, не трать кислород на суету! – прозвучал сердитый, сдавленный голос Кроноса. – Вернись в строй! Защищай периметр, а не гоняйся за каждой тенью!

Имба проигнорировал упрек. Адреналин пенистой волной захлестнул его сознание, азарт охоты, давно забытое чувство контроля и силы, полностью захватили его. В этот миг он был не Имбой-неудачником, обузой, пожирающей кислород. Он был Воином. Защитником. Тем, кто стоит на пути тьмы.

Он записал на свой счет еще одного врага, и еще, чувствуя глухое, почти животное удовлетворение от каждого точного удара. Но вдруг он понял, что драться не с кем. Он стоял в центре шевелящийся кучи корней, залитых черной жижей, и тяжело дышал.

К нему подошел Кронос и успокаивающе положил руку на плечо:

– Успокойся, Имба, все кончено. Ты хорошо сражался, но в следующий раз слушай приказы. Химеры чуть не изолировали тебя и не убили. Мы сильны строем, а не индивидуальным искусством боя. Поддерживай товарищей, и они поддержат тебя.

Имба вытер липкую жижу с лица. Во время боя он чувствовал не только врага, но и что-то родственное, как будто ему противостояли люди. Но это были химеры, и это удивляло Воина. Как будто они проникали внутрь его, желая сделать из него не врага, а союзника.

Ночь на привале выдалась тревожной даже по меркам их суровых странствий. Кронос, обычно немногословный и скрытный, на этот раз делился с Имбой информацией, сидя у греющего элемента. Его речь была лишена эмоций – только сухие, обточенные временем факты, выкованные опытом стычек и потерь:

– Ты сказал, что почувствовал что-то родственное. Не давай этому чувству обмануть себя. Это не люди, Имба. Их тела только оболочки, временные сосуды для чего-то иного, чуждого. Субстрат пропитал их до самой сути, изменил структуру их бытия. Они сильны, выносливы и не испытывают страха. Некоторые даже разумны. Но им недостает... искры. Той самой искры, что отличает живое от бездушного. В них отсутствует сомнение, жалость, нет внутренней борьбы, делающей нас людьми.

Голос Кроноса оставался спокойным, но в его обычно непроницаемом взгляде читалась глубокая тревога. Он не только встречал их – он сражался с ними, ощущал их холодное, чужое присутствие и понимал: они – лишь видимая часть большего. Симптом. Предвестник чего-то древнего и чудовищного, что дремлет в недрах этой планеты и теперь начинает пробуждаться.

Имба слушал, заставляя себя преодолеть изматывающую усталость. Он понимал: их миссия становилась не просто опасной. Это было столкновение с самой природой этого мира, с чем-то чужим, древним и ненасытным, что стремилось проникнуть в реальность и поглотить все. И он уже впустил в себя часть этой тьмы, сам того не желая.

Ночью кошмары вернулись с новой силой. Они перестали быть смутными тенями, стали яркими, навязчивыми картинками, словно кто-то пытался взломать его сознание. Он снова ощу-

тил ледяное прикосновение Субстрата – его ментальные щупальца оплетали разум, стремясь растворить его волю. На этот раз видение было четким, до боли узнаваемым.

Он стоял в доме детства с деревянными стенами, пропитанными запахом хлеба из печи, не существовавшей на Марсе. Вокруг царил уют и умиротворение. Перед ним стояла мать. Ее черты были размыты, но глаза оставались узнаваемыми, хотя теперь в них мелькал холодный интерес, словно она изучала редкий экспонат.

– Имба, – произнесла она. Голос был тихим, мелодичным, как ветер в листве, но в интонации проскальзывала какая-то фальшь. – Подойди. Здесь хорошо. Здесь тепло и безопасно.

Она протянула руки – этот жест всегда означал защиту, но теперь казался ловушкой. В ее взгляде не было любви, только странное, чуждое сияние – мерцание иного разума. Имба почувствовал, как его ноги сами двинулись вперед, словно конечности марионетки, чьи нити держит невидимая рука.

– Стражи пропустят тебя, – прошептала она.

Слова вонзились в его мозг как ядовитые иглы, вызвав приступ ужаса. Он пытался закричать, вырваться, оттолкнуть этот призрак, но голос застрял в горле. Он ощущал, как холодная сущность Субстрата проникает в него все глубже, захватывает нейрон за нейроном, подчиняет саму ткань его «я». Границы личности размывались, он почти стал крошечной, потерянной частью этого чужого, бездушного мира. Собрав остатки воли, Имба рванулся прочь.

Он очнулся в ледяном поту, который мгновенно начал застывать в прохладе пещеры. Сердце билось так яростно, что казалось – вот-вот разорвет грудную клетку. Вокруг храпели товарищи, не ведая, какой ужас он только что пережил.

Утро не принесло радости – только серый, безрадостный рассвет, пробивавшийся сквозь пелену вечной пыли. Имба пытался вытеснить видения, заглушить внутренний шепот Субстрата, но они преследовали его, как инфекция. Он понимал, что главная битва только началась, и противостоять предстояло не внешнему врагу, а самому себе. Видение матери было не просто кошмаром – это было предупреждение. Знак, что Субстрат уже в нем.

Собравшись, Имба поднялся и присоединился к группе. Они двинулись в обратный путь, к Обители. Путь до дома прошел без приключений.

В Обители Имба долго стоял, прислонившись спиной к дальней стене, сложенной из мертвых, окаменевших гифов, не решаясь пройти в свою комнату. Через некоторое время к нему пришли Сетер и Лака.

– У меня хорошие новости для всех нас, – сказала Лака. – Великая Мать Лада носит Спасителя под сердцем.

На миг Воин обрадовался, но тут же сердце его наполнила тревога. Спаситель. Почему Лада не сказала ему о ребенке, когда они разговаривали в Аванпосте? Не знала? Или, что более вероятно, не хотела его волновать? И он ли отец?

Он оттолкнулся от стены, будто она обожгла его, и сжал кулаки до хруста в костяшках. Взгляд невольно метнулся к Отцу.

– Имба, – голос Сетера был низким, властным, как отдаленный раскат грома перед бурей. – Ты радуешься вести? Или тебя терзают сомнения?

Парень обернулся к нему:

– Сомнения? Я... я не понимаю, о чем вы говорите, – выдавил он, но голос звучал фальшиво даже в собственных ушах.

– Не лги мне. – Отец сделал неспешный шаг вперед, и Имба физически ощутил на себе тяжесть его взгляда. – Ты чувствуешь ревность. И злость... она разъедает тебя изнутри, как кислота.

Воин задохнулся, пытаясь подавить волну поднимающейся ярости. Он хотел крикнуть, что он достоин Лады, что может быть хорошим отцом! Но слова застряли в горле болезненным комом.

– Арасуль – невеста судьбы, – продолжил Отец. – Ее роль – привести в этот мир Спасителя, который выведет наш народ из тьмы. Он занимает все ее мысли, чаяния и надежды. Так предсказано, и этого не изменить. Ей нет ни времени, ни сил для тебя. – Сетер сделал паузу, дав словам впитаться, как яду. – Да и кто ты будешь рядом с ней? Она Глава Церкви, Посланица, мать Спасителя. А ты... – он не договорил, но смысл повис в воздухе, тяжелый и унижительный. Отец вздохнул, и в этом вздохе звучала не усталость, а холодная решимость. – Ты должен выбрать невесту среди бадавиев. Это необходимо для укрепления союза Обителей. Жизнь должна продолжаться, и твой долг – смотреть в будущее, а не цепляться за прошлое, которое никогда не было твоим. – Он повернулся к Ла Ка, стоявшей в тени. – Мать уже подобрала тебе подходящих кандидатов.

Лака, не дожидаясь реакции Имбы, начала перечислять имена ровным, бесстрастным голосом, словно зачитывала инвентарную опись:

– Аэлита, дочь вождя Обители Отца. Сильна духом, но упряма, как мул. Лира, дочь Дальней Обители. Мудра, спокойна, знает свойства всех трав, но... лишена огня. И Мира. Наша Мира, из Обители Сетера. Красота ее славится на всю округу, но душа еще юна и переменчива.

Каждое имя звучало не как предложение, а как приговор. Как гвоздь, вбиваемый в крышку гроба его прежней жизни. Имба с трудом сдерживал дрожь.

– Зачем вы говорите мне об этом? Зачем перечисляете достоинства женщин, которых я никогда не смогу полюбить?

Отец посмотрел на него долгим, оценивающим взглядом. В его глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на сожаление, но оно тут же было задавлено железной волей.

– Твоя судьба, Имба, – это не то, что тебе принадлежит, – Сетер произнес медленно, растягивая слова, вкладывая в каждый слог непреложную истину. – Это ценнейший актив. Валюта в политических и военных союзах, в которых нуждается наша Обитель. Ты инструмент, Имба, и твое предназначение – служить той цели, ради которой тебя выковали.

Имба замер, скованный тяжестью отцовского взгляда. В сознании кружились навязанные понятия: долг, союзы, активы. Он чувствовал себя куклой в руках бездушного кукловода, нити которого впивались в самое нутро.

– Пусть твой сын сначала придет в себя с дороги и поест, – мягко, но настойчиво вклинилась Лака. – Уверена, после этого он будет более сговорчивым.

Имба глухо вздохнул. Обитель обволакивала его не только физически – гифы прорастали в душу, опутывая ее невидимыми сетями. Даже у этой глухой стены он ощущал себя в западне.

Он прошел в свое жилище. Оно, как всегда, было пустым – лишь гладкие, дышащие стены. Привычным жестом вызвал из стены шкаф, сбросил в его недра запачканную дорожную одежду. Умылся прохладной, живой водой, струившейся из корня в стене, переделся в простые, мягкие ткани. Впереди маячило продолжение невыносимого разговора. Рука сама потянулась к телефону – и на экране расцвело лицо Лады. Ее улыбка, ее глаза... Казалось, только эти цифровые отсветы и остались у него от настоящей жизни. Дверь бесшумно отъехала, впустив Лаку.

– Обитель и Отец ждут тебя, – произнесла она без эмоций.

Имба вышел. Центральный зал был просторным и странно пустым – здесь не росли гифы, лишь ровный пол и призрачное свечение, исходящее от древних корней, сплетенных под самым сводом. Здесь собрался Совет Обители – пятеро самых мудрых мужчин. Они стояли вокруг его отца. Сам Сетер восседал в кресле, больше похожем на трон, – массивном, причудливо выращенном из темного дерева старой грибницы.

Голос отца прозвучал тяжело, будто подземный гул:

– Имба, ты отправишься за невестой вместе с остальными отроками в первую Обитель.

Имба поднял голову, на лбу залегли резкие складки.

– Первая Обитель? Говорят, там... там берет начало все.

– Да, это так. – Отец чуть заметно улыбнулся, и в его глазах вспыхнул отсвет древнего знания. – Туда отправляются молодые бадавии со всех наших поселений. Это место силы, святилище. Там они постигают мудрость предков, учатся слышать голос грибницы... и обретают свою пару. – Отец поднялся, подошел к сыну, положил ладонь на его плечо и тихо добавил: – Даже изгои, прошедшие через Первую Обитель, становятся для бадавиев своими. Если ты не хочешь влачить существование отверженного, тебе стбит поступить правильно.

Имба отвернулся, мышцы его плеч застыли в напряжении под отцовской ладонью. Он скользнул взглядом по Совету, сомкнувшим вокруг него молчаливый круг. Отец демонстрировал единство воли, он говорил от лица всего племени, показывая, что правила едины для всех. Даже для сына Отца.

Старый бадавий вернулся к своему трону. Дерево старой грибницы дрогнуло, ожило на мгновение и бесшумно уткнуло в пол, растворившись в полумраке. Сетер обернулся к сыну в последний раз.

– Ты отправляешься с остальными завтра на рассвете.

Имба обреченно закрыл глаза. Мужчины начали расходиться, не обмолвившись ни словом. Они двигались мимо Имбы, словно беззвучный поток, постепенно растворяясь в темных коридорах, ведущих к их жилищам. Вскоре он остался один в холодном зале. Слова отца продолжали звучать у него в голове, гулким и настойчивым эхом: Первая Обитель...

На следующее утро Имба стоял в строю молодых бадавиев, готовящихся к отправлению в Первую Обитель. Он чувствовал себя чужим среди этих взволнованных лиц, полных ожидания. На него смотрели с осторожным интересом, задаваясь безмолвными вопросами. Имба оставался тем, кем был: вспыльчивым, упрямым, сыном Отца, полюбившего чужеземку. В стене перед ними открылся проем, и лестница, сплетенная из живых гифов, потянулась вверх. Они поднялись под тусклый свет утреннего неба. Впереди их ждал долгий путь – в сердце старой легенды.

Глава 7

Есть два вида власти: одна строится на свете знания, другая – на тени страха, которую ты отбрасываешь.

Зал заседаний Академии был отделан черным полированным камнем. Гладкие стены отражали свет, делая пространство почти безжизненным. Высокие окна, затянутые нано пленкой, пропускали мало дневного света, и помещение освещалось лишь тусклыми встроенными светильниками. В воздухе пахло озоном и пылью.

Лада, Верховный Жрец Церкви, сидела на возвышении. Ее фигура, скрытая под тяжелым одеянием, казалась неподвижной и строгой. Лицо оставалось спокойным, но легкое напряжение в плечах и дрожь в уголках губ выдавали внутреннее волнение. Она сидела прямо, скрепив руки в рукавах, и внимательно следила за происходящим.

Глава Ордена разведки Лета завершила доклад. Каждое слово звучало отмерено и сухо, будто его вырезали из льда.

– Верховный Жрец, на пути из Аванпоста зафиксировано нападение. Трое офицеров Церкви убиты, пятеро ранены. Груз – земное оружие – похищен.

Слова рассыпались в зале, как ледяные сосульки, оставляя после себя глухое эхо. Лада сжала кулаки под широкими рукавами церемониального одеяния. Огнестрельное оружие! Удар был болезненным и точным. Это оружие необходимо для безопасности города, особенно теперь, когда волнения нарастали с каждым днем. И главное – в чьих руках оно теперь?

Ден Клер, генерал Ордена Воды, мужчина со спокойным, словно озерная гладь, взглядом, продолжил:

– Орден Знаний проводит анализ останков и места происшествия. Первичные данные указывают на то, что нападавшие знали точно: когда, где пройдет караван и что он везет. Почти наверняка это «Освободительная армия», подземные контрабандисты. У них есть сведения как из города, так и из пустыни. А значит, это недоработка Ордена разведки. – Он покосился на Лету с ледяным укором.

В голосе Кан Дана, генерала Ордена Земли прозвучала усталость:

– Мы усилили патрулирование периметра Аванпоста. Но ресурсы, Верховный Жрец, ограничены. – Он говорил глухо, будто слова давались ему с трудом, и глаза его были устремлены куда-то в пол, в надежде избежать прямого взгляда Лады.

Лада знала другую причину, почему генерал избегает ее взгляда: он был лидером нового Сопротивления. Она не лезла в его мысли, получив эти сведения от других. Держи своих друзей близко, а врагов – еще ближе.

Временно исполняющая обязанности генерала Ордена Воздуха, молодой офицер Ка Ра, нервно перебирала пальцами. Ее назначение было недавним, и бремя ответственности явно давило на нее. Она выглядела потерянной среди старших коллег – слишком молодой, чтобы быть уверенной, и слишком гордой, чтобы отступить.

– Мы ведем воздушную разведку, но видимость в районе Аванпоста почти нулевая – пыльные бури не стихают. – Ее голос едва заметно дрожал, выдавая напряжение.

Лада резко поднялась с места. Ее голос прозвучал, как удар колокола, разрывая тягостную тишину зала:

– Неужели это все? Груз украден! А вы говорите мне о патрулях и разведке?! Приказываю отправить всех свободных людей под землю! Прочесать норы этих убийц!

Генерал Лета нахмурилась, и в ее взгляде мелькнуло несогласие, быстро подавленное привычкой к дисциплине.

– Верховный Жрец, это невозможно. Город переполнен недовольными, все офицеры нужны здесь. Я уже докладывала о растущем напряжении в районах вне Академии.

– Недовольные?! – Лада зашипела сквозь стиснутые зубы, и ее глаза вспыхнули холодным огнем. – Они недовольны тем, что им обеспечивают безопасность и стабильность! Недовольны заботой об их же благополучии!

Голос ее нарастал, становясь все громче, все острее, будто она оттачивала клинок. В зале воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь ее учащенным, хриплым дыханием. Она чувствовала, как гнев захлестывает разум, готовый испепелить любого, кто осмелится ей перечить.

Молодой офицер, стоявший ближе всех к возвышению, вдруг пошатнулся, словно подломился под тяжестью невидимого удара. Его глаза налились кровью; по белкам медленно, как чернила по промокашке, поползли темные, извилистые прожилки, разрастаясь паутиной тревоги. Из ноздрей заструились тонкие струйки крови. Офицер поспешно прикрыл лицо ладонью, чтобы никто не заметил его состояния.

Лада ошутила, как ее собственное тело напряглось до предела, будто она была готова вот-вот разорваться на части. В висках глухо стучало, в груди нарастало ощущение ледяной пустоты. Она заставила себя сделать глубокий, медленный вдох; воздух показался холодным и сухим, будто его фильтровали через ИГК. Усилием воли Лада подавила бушующую внутри бурю, не давая чувствам прорваться наружу.

Когда от чужих мыслей раскалывалась голова, она не сопротивлялась – «пропускала» их, как песчаную бурю через себя. Но побочные эффекты телепатии учащались, вызывая приступы гнева. Хуже того, в таком состоянии она путала свои мысли и чужие, а может, даже приписывала свои мысли другим. Эти галлюцинации начинали беспокоить ее.

– Хватит, – произнесла она тихо, но в этой тишине каждое слово прозвучало тяжело, как приговор. – Забудьте о прочесывании. Нам нужно поймать главарей. Подготовить ловушку. Это несложно, если приложить усилия. – Ее взгляд стал тяжелым и пронзительным; она медленно скользнула им по лицам собравшихся, задерживаясь на каждом чуть дольше, чем требовала вежливость. – К следующему заседанию хочу видеть план. И пусть он будет безупречным.

Зал быстро и бесшумно опустел, будто его покинули не люди, а тени, растворяясь в полумраке; в воздухе остался едва уловимый запах страха. Или это с ней опять играет последствия телепатии. Лада ощущала нарастающее измождение и горькое разочарование. Лета подошла к Ладе и осторожно, почти незаметно, положила свою ладонь на руку подруги – жест поддержки, в котором сквозила усталость.

– «Освободительная армия» – просто назойливая муха, мы ее прихлопнем рано или поздно, – тихо проговорила Лета, стараясь говорить ровно, без лишнего напряжения. – Лучше обратить внимание на внутренние проблемы. В городе не хватает кислорода из-за модернизации реактора и еды, поскольку сократилась торговля с бадавиями.

Лада нахмурилась, взгляд ее стал отстраненным, и она нехотя отмахнулась, словно вычеркивала из сознания саму проблему. Лета постояла, дожидаясь ответа, но осознав, что его не будет, с легким разочарованием тихо ушла.

На выходе в полумраке коридора Академии шептались два офицера. Их голоса были глухи, как шаги по ковру, но в них вибрировало напряжение.

– Она психованная, – прошептал Дон Тон, офицер Ордена Земли, настороженно оглядываясь через плечо, будто боялся, что их могут услышать стены. – Она нас всех угробит. Ее вспышки гнева могут убить своих быстрее, чем врага.

Рядом с ним стоял Кло Ман, ординарец и личный телохранитель Верховного. Он усмехнулся, уголки губ дрогнули, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на восхищение – опасное, почти детское.

– Не торопись с выводами, Донтон. Она еще молода для такой власти. Но если научится управлять своей силой... Представь: один ее взгляд – и толпа замирает. Или отправляется на рудники. Или в небытие, если потребуется.

Донтон покачал головой, в его движении читалась тяжелая, невеселая убежденность, как у человека, видевшего слишком многое.

– Не знаю, Кломан. Звучит слишком жутко, даже для наших времен.

Кломан пожал плечами, вскинул подбородок, будто бросая вызов тьме впереди.

– Звучит эффективно. – Он посмотрел в темноту коридора, где свет едва различимо очерчивал края стен. – Поскорее бы уже все это закончилось.

Глава 8

Иногда, чтобы обрести свободу, нужно позволить миру попытаться тебя поработить – и сломать его волю изнутри.

Передвигаться по поверхности Марса без ИГК оказалось не столь трудно, как казалось Имбе раньше – при условии, что ты бадавий. Все сводилось к способности волевым усилием замедлять все ненужные процессы в организме, оставляя активными только те, что необходимы для движения, анализа обстановки и работы мозга – главного потребителя энергии. Теперь он двигался в колонне таких же, как он, размеренно переставляя ноги по рыхлому марсианскому грунту. Ветер не был проблемой: внутренний голос, тихий и настойчивый, подсказывал, как повернуть плечо, чтобы встречная стихия не сбивала с ног, а напротив – мягко подталкивала вперед. Так проходил километр за километром под фиолетовым куполом марсианского неба.

Впереди в мареве возникли очертания Первой Обители – массивной скальной структуры, изъеденной ветрами и временем до причудливых, почти органических форм, напоминающих окаменевшие внутренности древнего существа. Спутники Имбы двигались рядом, их лица скрывались за повязками на голове.

Командир Кронос, не оборачиваясь, резким жестом указал на узкую расселину в скале и первым скользнул в ее темное жерло. Отряд, сохраняя строй, один за другим последовал за ним. Имба зашел последним. Он нервно поправил плащ, чувствуя на себе оценивающий взгляд командира.

Внутри оказалась естественная пещера, обжитая множеством поколений путников. С потолка струился тусклый, фосфоресцирующий свет корней, но стены были оплетены ими скупое – Симбионту здесь явно не хватало питания для обильного роста. Отряд начал готовиться к привалу: бадавии сбрасывали поклажу, кто-то уже включил компактные нагреватели. И тогда Имба заметил рядом с Кроносом двух молодых людей. Их комбинезоны отличались покроем, ткань слабо поблескивала металлическим отливом, а взгляды были холодными, отстраненными, в которых читалось сдержанное любопытство к прибывшим.

Кронос жестом представил двух юношей, стоявших рядом:

– Это Тони и Дрем. Они из разных мест, тоже идут к Первой Обители.

– Только вдвоем? – не удержался Имба, и его удивление повисло в прохладном воздухе пещеры.

Тони, парень с кожей цвета темного песка, развел руками. Его движения были экономными и точными.

– Наша Обитель мала. Она не может послать в Первую Обитель такой отряд.

Он обвел ладонью пространство вокруг, указывая на многочисленные тени воинов, теснившиеся у стен.

«И вы вдвоем... точнее, поодиночке отправились через пустыню?» – пронеслось в голове у Имбы. Он вспомнил свой страх перед дорогой, даже в окружении целого отряда. Горькая мысль, что отец, возможно, был прав, снова кольнула его: он действительно не готов к жизни настоящего бадавия.

Голос командира вернул его к действительности.

– Как ты знаешь, мы приближаемся к зоне влияния южан. Наша задача – добраться до Святылища без потерь. Для этого нужны разведка и охрана периметра. – Его взгляд скользнул по Тони и Дрему. – Эти двое будут с тобой. Они молоды, но перспективны. Учись у них.

Имба раскрыл ладони.

– Да, командир.

– Хорошо. – Кронос уже отвернулся к разложенной на столе карте, ее пергамент пожелтел по краям. – Тони, ты с южных земель, знаешь их обычаи и тактику. Будь нашими глазами и ушами. Дрем, твоя выносливость и знание местности пригодятся. Следи за маршрутом, предупреждай об опасностях. – Он вновь повернулся к Имбе, и его следующая фраза прозвучала приказом. – Не геройствуй. Твоя задача – наблюдать и учиться. Помни, жизнь каждого здесь зависит от бдительности и дисциплины.

Короткое напутствие закончилось. Имба оглянулся на своих новых товарищей. Тони стоял, широко расставив ноги, будто готовился к отражению удара. Он был поджарым и мускулистым, а его взгляд – пронзительным и цепким. Рядом Дрем выглядел его противоположностью – высокий, худощавый, с бледным, почти прозрачным лицом и задумчивым, устремленным внутрь себя взглядом.

– Ну что, похоже, нам предстоит интересное путешествие. – Тони усмехнулся, и в уголке его рта дрогнула тень улыбки.

Дрем в ответ лишь приподнял брови, и троица двинулась по коридору к месту сбора отряда. Тишина между ними натягивалась, как струна. Имба решил разрядить ее вопросом:

– Так... откуда вы?

Первым отозвался Дрем. Его голос был тихим, будто присыпанным тем самым песком, из которого он явился.

– Я из Обители Белых песков, что на западе. – Он замолчал, подбирая слова с той же тщательностью, с какой ремесленник подбирает инструмент. – Там все просто, по старинке. Никакого электричества. Наши предки пробовали ставить ветряные мельницы, но они давно истлели и рассыпались. Мы живем, полагаясь только на природу и собственные руки. Торгуем с другими Обителями едой, грибница у нас особенно хорошо растет.

Тони хмыкнул, и этот звук был резким, как шелчок.

– Природа? У нас, в Обители Ядовитых пустошей, природа – первый враг. А второй – южане. С ними мы постоянно воюем. Защита других Обителей – вот наш главный товар. – Его цепкий взгляд впился в Имбу. – А ты откуда?

– Я из Обители Сетера. Он мой отец, – ответил Имба, чувствуя, как под этим взглядом на его щеках выступает краска. – Там все иначе. Технологии, наука...

– Технологии? Наука? – Тони фыркнул, и в его голосе зазвучала горькая усмешка. – Это для тех, кто греется в теплых подземельях и не ведает, что такое настоящий голод или страх, застывающий в жилах. – Он понизил голос. – Мы учились иному. Мы используем углекислотные облака, которые создаем из сухого льда. Они накрывают южан, и те впадают в спячку, будто тушканчики зимой. А потом наши отряды подходят вплотную и... завершают дело.

Имба побледнел. Слова повисли в воздухе, холодные и тяжелые.

– Это... жестоко, – едва слышно выдохнул он.

– Жестокость – это их язык, – парировал Тони, не моргнув глазом. – Мы лишь отвечаем тем же.

Молчавший до этого Дрем поднял взгляд. Его задумчивые глаза, казалось, видели что-то далекое, за пределами этих каменных стен.

– Не все южане злы, – тихо, но очень четко произнес он. – Среди них есть и те, кто ищет мира.

Тони усмехнулся, и в его улыбке сквозило холодное презрение.

– Мечтать не вредно, Дрем. Но реальность куда проще: им нужны наши земли и ресурсы.

Дрем покачал головой, его голос звучал спокойно, но упрямо.

– Зачем? Ты видел где-нибудь их Обитель? Они ничего не строят, не выращивают. Земля им не нужна. Я не знаю, чего они хотят, потому что с ними никто не говорил. А договариваться придется. Не победить того, чьих целей не понимаешь.

Тони ослабился, и его рука легла на рукоять ножа. Лезвие, наполовину вытасченное из ножен, тускло блеснуло в скупом свете.

– Договор у нас с ними будет короткий.

Дрем лишь беспомощно развел руками, смирившись с чужой непокорностью.

Утром воины, закаленные и молчаливые, проверяли снаряжение, поправляли ремни, перебрасывались короткими фразами. Имба поглядел на Тони и Дрема – они казались ему дикими, опасными, но оттого невероятно живыми. Тони наклонился к нему так близко, что Имба почувствовал запах пота и металла.

– Слушай сюда. Забудь все, чему тебя учили в твоей Обители. Здесь другие правила. Главное – выжить. – Он подмигнул, и в этом жесте была и насмешка, и что-то похожее на предостережение. – И не лезь на рожон. Смотри на старших. Понял?

Имба наклонился корпусом вперед. Внутри него под слоем страха шевельнулось странное, почти болезненное предвкушение. Путь в Святилище не будет легким. Ему придется учиться выживать или погибнуть. Ирония заключалась в том, что учителями выступали почти что дети. Как будто он снова стоял на опустевшей улице после смерти отца, понимая, что надеяться можно только на друзей.

Тони он не доверял. Храбрость таких часто оказывалась спесью, а гордыня на улицах города стоила жизни многим. Но Церковь была врагом понятным – людьми из плоти и крови. Здесь же предстояло столкнуться с чем-то иным. В памяти всплыли образы недавних химер – кукольных, неестественных, будто слепленных насмешливой рукой из обрывков человеческой плоти. Страшные марионетки.

Остаток пути Имба прошел в молчании. Погода благоволила – воздух был чист, без привычной пыльной взвеси, но настроение лежало на дне, тяжелое и безрадостное. Он думал о том, что воевал, кажется, всю свою жизнь. Сначала за место под солнцем на улицах, потом против Церкви, в рядах Сопrotивления, теперь против южан. Не зря за ним закрепилось прозвище «Воин». Видно, не суждено ему стать примерным семьянином, хранителем очага. Тогда зачем этот поход за невестой? Зачем эта игра в обычную жизнь?

Голова раскалывалась. Боль накатывала волнами, будто он погружен в воду, и невидимые течения бьют его головой о камни. Ощущение было тем более странным, что плавать он не умел, потому что никогда в жизни не видел водоема больше, чем ванна, да и та была роскошью.

К счастью, путь окончился. Кронос, не говоря ни слова, махнул рукой, и перед отрядом открылся провал в земле, уходящий вглубь узкой лестницей. Они исчезли в ней один за другим, как тени, когда солнце уходит за горизонт.

Обитель не поражала каким-то особым убранством. Те же грубые хижины, та же оплетающая стены и потолок грибница, те же мерцающие голубоватым светом корни, что и в других поселениях. Но людей здесь было много – молодых, шумных, движущихся в каком-то своем, неспешном ритме. Имба огляделся, и странная тяжесть наполнила его голову, а по коже пробежали мурашки. Вокруг кипела жизнь – громкая, чужая, но почему-то... уютная? В этом был какой-то парадокс.

Рядом с ним возник мужчина лет тридцати, с коротко остриженными волосами и внимательными, светлыми серыми глазами. Без лишних слов он протянул Имбе простую глиняную кружку. Из нее поднимался пар, пахнувший полынью, грибницей и чем-то неуловимо горьким. Напиток был мутным, как вода из лесного родника, тронутого осенним листопадом. Имба никогда не видел живых деревьев и удивился, откуда пришло это сравнение.

– пей, гость, – произнес мужчина мягко, и его улыбка казалась безмятежной, как поверхность пустыни в безветренную погоду. – Поможет освоиться.

Имба замер. В сознании всплыли обрывки предостережений – яды, обманы, ловушки. В Сопrotивлении он многому научился в этой области. Но взгляд этого человека был спокоен и чист, а место называлось священным. Он взял кружку, почувствовав шероховатость глины

под пальцами, и сделал глоток. Напиток обжег горло горькой волной, но почти сразу же за ней пришло сладкое, умиротворяющее послевкусие, будто кто-то развязал узлы внутри его тела. Вокруг все стало ярче, добрее и привлекательнее – словно мир налился теплым светом.

– Спасибо, – пробормотал он, и голос прозвучал тише, чем он хотел.

Мужчина подмигнул, не отводя светлых глаз.

– Я Грей, караванщик. А ты?

– Имба, – ответил он, стараясь вложить в имя прежнюю твердость, – воин Обители Сетера.

Грей улыбнулся шире, и в уголках его глаз собрались лучики морщинок.

– Добро пожаловать, Имба! Рад видеть новое лицо. Присаживайся, угощайся. – Он махнул рукой в сторону длинного стола, за которым сидели молодые люди. Они ели что-то из глиняных горшков, смеялись, перебрасывались словами – живая, шумная картина, полная неприужденности.

Имба медленно подошел к столу, и его взгляд невольно упал на девушку, сидевшую напротив. Длинные черные волосы, заплетенные в сложную воздушную косу, большие карие глаза, в которых светилась тихая доброта. Она была одета в платье цвета спелой кукурузы, а по его подолу струился узор, напоминающий то ли ветви, то ли гибкие нити грибницы. Девушка улыбнулась ему, и в груди Имбы отозвалась теплая эмпатия. Он отвернулся, смущенный и почти испуганный. «Это обман! – пронеслось в голове. – Это ненастоящие чувства!»

– Ты выглядишь немного растерянным, – сказала девушка. Ее голос был мягким, мелодичным, будто журчание ручья под землей. – Все хорошо? Тебе что-то нужно?

Имба с усилием собрал мысли.

– Я... просто пытаюсь понять, где я.

– Здесь всех понимают, – отозвался Грей, присаживаясь рядом на грубую скамью.

Имба оглядел зал. Несмотря на пестроту лиц и одежд, люди здесь действительно казались частью одного целого. Мужчины в дальнем углу фехтовали на деревянных клинках. Другие метали ножи в мишень из спрессованного мха. Девушки, склонившись над столами, плели из гибких нитей грибницы сложные узоры, украшая ими стены пещеры. Повсюду царила деятельная, почти семейная гармония.

– Что вы делаете? – спросил Имба, стараясь скрыть нарастающее замешательство.

– Поддерживаем связь между бадавиями, обмениваемся новостями, помогаем друг другу.

Имба нахмурился.

– Но... голоса? Я слышу голоса.

Грей легко коснулся руки парня, как будто ожидал этого вопроса.

– Это нормально. Голоса – это воспоминания, знания, опыт других людей. Они помогают понять себя и свое место в мире.

– Но они путают меня, – возразил Имба, и в его голосе прорвалась давно копившаяся усталость. – Я не могу отличить свои мысли от чужих.

Девушка протянула руку и положила свою ладонь поверх его. Прикосновение было легким, теплым, почти невесомым.

– Я Ильсен.

– Я Имба, – машинально отозвался он.

– Имба, позволь голосам течь сквозь тебя, – сказала она, и ее слова звучали как напев, как колыбельная. – Не сопротивляйся им. Почувствуй их силу, их мудрость.

Имба посмотрел в ее глаза – глубокие, спокойные, бездонные. Он не увидел в них лжи, лишь тихое сочувствие и понимание, которое проникало куда-то очень глубоко. И вдруг его воля, закаленная годами борьбы, дрогнула и начала таять, как лед под весенним солнцем. На смену настороженности пришла волна странной эйфории. Углы его губ сами собой потянулись

вверх. Он улыбнулся, сначала неуверенно, а потом все шире, чувствуя, как тяжесть с плеч спадает, уносясь в мерцающую голубизну пещеры.

– А что вы рассказываете друг другу? – спросил он, и слова выскользнули сами, будто их подсказал кто-то другой.

– Ох, всего понемногу, – улыбнулась Ильсен, и ее смех прозвучал как перезвон хрустальных колокольчиков. – О наших обителях, о любимых занятиях, о том, что радует и печалит. Мы делимся всем, что составляет жизнь.

Имба ощутил внезапное, почти осязаемое стремление выговориться – открыть перед ними все, обнажить прошлое, объяснить цель их похода, признаться в страхах, которые точили его изнутри. Его тянуло раствориться в их единстве, стать частью этой замкнутой общности, сбросить с себя гнет одиночества. Однако за нарастающим чувством эйфории в глубине сознания сохранялся островок сомнения. А если все это – галлюцинации? Если голоса, которые он слышит, – не эхо предков, а искусно сплетенные нити чужого воздействия? Он сделал еще один глоток терпко-горького напитка, ощутил, как под ним уходит почва, а собственное восприятие становится зыбким и неуловимым.

Разум, утяжеленный опьянением, запутался в вязкой паутине чужой воли. Ильсен стояла так близко, что он чувствовал на своей на коже ее дыхание. В ее глазах мерцал странный, холодный свет – будто там отражались далекие звезды. Губы были чуть приоткрыты, словно в ожидании шепота или поцелуя. Еще мгновение – и она прикоснется к нему. Он попытался отступить, но тело не слушалось, будто было стянуто невидимыми узами. Его ноги сами шагнули вперед, а на лице застыла бездумная, беззаботная улыбка. Где-то глубоко внутри кто-то нашептывал убаюкивающим, бархатным голосом: «Все будет хорошо. Просто расслабься».

– Нет! – закричал он внутри себя, и этот крик был полон отчаянной ярости. – Не я! Никогда!

Сознание сжималось под грузом чужого присутствия, но Имба вцепился в последние обломки своей воли, отчаянно сопротивляясь. Темная, кипящая энергия вскипела где-то в глубине его существа, и его собственный Симбионт содрогнулся, а затем мощным рывком сбросил с себя тонкие путы контроля чего-то чужого.

– Стоять! – прорычал он хрипло, обращаясь и к себе, и к той чужой воле, что пыталась его опутать. И замер, пораженный.

Перед ним, застыв в сантиметрах от его лица и тела, висели толстые плети грибницы. Они выстрелили из стен и потолка, стремительные и цепкие, как живые щупальца, готовые обвить и пронзить. Некоторые уже впились в его ноги острыми шипами, оставив на коже тонкие кровавые полосы, но теперь замерли в воздухе, неподвижные, будто время остановилось. И не только они.

Под сводами огромного зала застыли молодые бадавии, которые еще мгновение назад двигались и смеялись. Они стояли теперь, как восковые фигуры, с искаженными гримасами на лицах, в нелепых позах. Внутри Имбы что-то щелкнуло – тихо, но отчетливо. Сознание прояснилось, будто густой туман внезапно рассеялся, открывая ясный, жестокий пейзаж реальности.

– Что... что происходит? – спросил он внутренний голос, который всегда был с ним, но сейчас звучал громче и четче, чем когда-либо.

– Так пожелал Старший Брат, – ответил голос, и в его бесстрастной интонации не было ни капли эмоций.

– Старший Брат? Кто это?

– Теперь это ты.

– А ты кто?

– Я Симбионт этой Обители. Ты смог преодолеть меня в поединке разумов. Грибницей всегда управляет сильнейший.

В голове мелькнула дерзкая мысль: неужели он, едва обретший связь с грибницей, смог победить такое древнее и могучее существо? Звучало невероятно. Взгляд Воина скользнул по замершим фигурам бадавиев. Они не дышали, в их груди не бились сердца. Еще несколько мгновений, и жизнь начнет покидать их, оставляя тела в этих причудливых, застывших позах.

– Зачем? – мысленно обратился он к внутреннему голосу. В его вопросе слышались не только злость, но и горькое недоумение. – Зачем ломать мою волю? Зачем соединять меня с Ильсен? Я бы и сам заметил ее, но к чему это принуждение?

Ответ Симбионта прозвучал медленно, с глубокой древней уверенностью:

– Моя задача – совершенствовать человеческий род здесь, внутри этих стен. Я выбираю пары, чья кровь может дать сильное, выносливое потомство, и веду их друг к другу.

Имба нахмурился. Внутри него поднималась волна неприятия.

– Кто такая Ильсен?

– Она дочь одного из Хранителей, воинов, сдерживающих натиск южных орд. Такой союз укрепил бы наши оборонительные линии.

Слова эхом отозвались в памяти Имбы, напоминая о старых, отцовских наставлениях: долг, союзы, продолжение рода. Все та же рациональность, все тот же холодный расчет.

– Но... как я мог превзойти тебя? – его голос дрогнул, в нем звучала растерянность. – Я только начал путь...

– В тебе скрыт потенциал, Имба. Ты куда сильнее, чем думаешь. – Пауза была долгой, наполненной смыслом. – А твоя воля... она тверда, как скала.

– Зачем ты пытался подчинить меня? – повторил он, теперь в голосе звучала жесткость.

Симбионт ответил неохотно:

– Я обязан обеспечить будущее Обители. Твоя воля... непредсказуема. Ты мог стать угрозой.

– Угрозой чему? – не отступал Имба.

– Порядку, – коротко ответил Симбионт. – Мы поддерживаем стабильность и гармонию. А ты... ты несешь перемены.

Эти слова заставили Имбу задуматься. Его независимость и право на собственный выбор всегда были для него ценны. Но теперь он понимал: его стремление к воле может оказаться разрушительным для тех, чья жизнь подчинена древним законам. Он уступит отцу, но отныне этот шаг станет его собственным выбором. Больше никто не сможет решать за него.

– Отпусти их, – приказал он.

Веселье вокруг продолжилось, будто ничего и не произошло – смех, шум, музыка. Ильсен оживленно беседовала с Тони, Дремом и другими бадавиями, чьих имен Имба еще не знал. Воин подошел к столу, налил себе полную кружку пьянящего напитка – теперь его тело, защищенное Симбионтом, принимало его без страха. Под удивленными взглядами парней он осушил ее одним глотком, улыбнулся и налил еще.

Ильсен скользнула на скамью рядом.

– Вижу, кое-кто воюет не мечами и не стрелами, – она показала пальчиком в сторону состязающихся бадавиев, а затем перевела взгляд на кружку Имбы. – Осторожней, с этим можно и голову потерять.

– С тобой и голову потерять не жалко, – улыбнулся Имба и, повинуясь внезапному порыву, обнял ее, притянув к себе. Их губы встретились в поцелуе – стремительном, полном неожиданной нежности.

Ильсен не отстранилась. Напротив, она ответила ему с такой же силой, а потом, оторвавшись, прошептала:

– Я... надеялась, что ты обратишь на меня внимание.

– Тебя не смущает, что все... так быстро? – спросил он, глядя ей в глаза.

Девушка рассмеялась, и в ее смехе звенела свобода пустынных ветров.

– Здесь все происходит быстро. А я о тебе знала давно, матери наших обитателей говорили о тебе.

– Говорили хорошо?

– Разное... – она отвела взгляд, и в ее голосе прозвучала легкая уклончивость. – Что ты слаб, что ты не наш и не сможешь защитить наших детей. Но... я вижу, что это не так.

Имба пожал плечами, чувствуя знакомый привкус горечи.

– Но я и вправду родился не в пустыне, а в городе.

– И это я знаю. Но Сетер – Отец твоей обители, а я дочь Самуэля, Отца Обители Посланницы. Наша обитель считается священной – там, как предсказано в Черной Книге, произошло откровение самой Посланницы.

– Ла Да... Арасуль? – догадался Имба.

– Да, – улыбнулась девушка.

– Понятно. Политика. И религия.

Ильсен рассмеялась снова, прижимаясь к его плечу.

– Мне все равно. Главное, что ты теперь рядом.

Имба вздохнул, осознавая, что пустыня, так или иначе, опутала его своими незримыми сетями. В вязкой тишине предвечерья, где каждый порыв ветра приносил с собой привкус железа и соленого песка, он чувствовал себя частью чего-то большего – неотъемлемым фрагментом этого сурового, безжалостного мира. Но и он сам, казалось, обладал странным притяжением: его судьба незаметно вплеталась в судьбы тех, кого он встречал на пути, как если бы сама пустыня выбирала, с кем ему идти дальше.

Он понял это не сразу – только когда Тони и Дрем не вернулись в свои обители, не растворились среди серых стен и живых улиц грибницы, а приняли решение идти с ним к Отцу. Для Имбы это было почти откровением: он не знал, что так можно – вырваться из привычного круга, бросить вызов установленным порядкам. Но Тони и Дрем лишь переглянулись и коротко ответили, что пока бадавии молоды, матери и Отцы поощряют их жажду увидеть мир – будто бы это не риск, а долг юности, обязательная инициация перед взрослением.

Так у Имбы появились невеста и друзья. Парадоксальное простое счастье – и в то же время неуловимая тревога. Правда, зайти в его Обитель друзья отказались.

– У нас свой путь, – сказал Тони, и в его глазах горел решительный, почти фанатический огонь. Слова прозвучали тихо, но от них веяло холодком – не обидой, не упреком, а чем-то окончательным, как приговор.

– Да, – поддержал Дрем, опуская взгляд в песок. – Мы идем к Непримирым.

Имба, не сразу уловив смысл, переспросил:

– Кто это?

Тони медлил с ответом, будто взвешивал каждое слово:

– Те, кто поклялся истребить Субстрат. Мы поняли это в здесь, в Первой Обители. Здесь каждый находит свое предназначение. Женись, Имба, расти детей. А мы... мы будем защищать тебя.

Имба на мгновение замер, ощущая странную иронию, почти горечь: подростки, младше его, отказываются от своих семей, чтобы защитить его семью. Его едва ли признавали мужчиной среди бадавиев, а они уже записали его в старики, в тех, кого требуется охранять. И Симбионт Первой Обители – почему он отправил их к Непримирым, а его с Ильсен вернул в родную Обитель? Как ни сопротивляется, его судьбой распоряжается не он сам, а кто-то другой. Но вслух Имба произнес другое – слова, в которых смешались благодарность и печаль:

– Спасибо... воины. Надеюсь, наши пути еще пересекутся.

Тони и Дрем сняли рюкзаки, достали по бутылке воды. Их движения были быстры, но в них сквозило напряжение, как у людей, знающих цену времени. Имба последовал их примеру: открыл свою флягу, ощутил прохладу пластика в ладони. Они сделали по символическому

глотку и обменялись бутылками – древний жест путников, знак доверия и общей дороги, которую теперь каждый выбирал сам.

Имба открыл люк, ведущий в Обитель, но не стал спускаться сразу. Обняв Ильсен за плечи, он стоял и смотрел вслед, как силуэты новых друзей медленно растворяются в багряной дымке пустыни. Их фигуры все сильнее расплывались, теряясь среди фиолетово-оранжевых теней, уходя в неизвестность, которую сами избрали. Он не знал, увидит ли их когда-нибудь снова, но чувствовал: теперь его жизнь неотделима от их выбора, как песок неотделим от ветра.

Глава 9

Самый опасный враг власти – не тот, кто ненавидит порядок, а тот, кто научился процветать в его тени.

Под куполом города царила тишина – та особенная, густая тишина, что наступает после ночной песчаной бури. Красная пыль, пробившаяся через пленку, еще висела в воздухе зыбкой дымкой, и свет казался приглушенным, почти ласковым. Город дышал ровно, размеренно – сквозь фильтры, вентканалы, сквозь шепот молитв и железную сетку расписаний. По периметру стояли дежурные клирики; у входов – офицеры; в коридорах Академии – керамические статуи святых.

Лада приняла Лету у панорамного окна, выходящего на центральную площадь. Внизу на плацу маршировали клирики – крошечные, почти игрушечные фигурки; инструктор что-то выкрикивал, но слова терялись, не долетая до высоты. Лада была облачена в белое, почти прозрачное одеяние, и в ее спокойствии было что-то от отполированного камня, из которого выжгли все прожилки.

– Их грех не вера, – сказала Верховный Жрец, не оборачиваясь, глядя вдаль, – их грех – поступки. Они торгуют тем, что должны отдать городу, и берут то, что наш голодный народ должен получить от нас. Найди их и уничтожь. Ищи под Академией, в подземельях.

– Да, – коротко ответила Лета. – Мои люди уже ведут разведку.

– Будь безжалостна. Они убивают наших офицеров и забирают горожан в рабство. Какое может быть снисхождение за такие преступления?

Лета склонила голову и вышла без возражений. Спорить с Ладой было все равно, что попытаться криком вызвать дождь в пустыне: много шума с нулевым результатом.

У главы разведки был небольшой кабинет в глубине Академии, бывший наблюдательный пункт за куполом. Воздух здесь всегда отдавал клеем для ремонта пленки и холодным металлом. На массивном столе лежали бумаги, полученные из сейфа убитого генерала Динмода. Его смерть – не ее рук дело; то ли внутренние разборки, то ли, по слухам, ликвидация Ликоном. Сейчас это не имело значения. Ценились только документы. Лета разложила их веером, словно гадальные карты, провела пальцем по выцветшим, почти незаметным чернилам. Старые тоннели, сортировочные узлы, кладовые с запасами воздуха и фильтров; опечатанные резервуары с водой; заброшенные шахты, где когда-то бурили породу; подвалы Академии, где хранились стратегические материалы. Динмод педантично подписывал все, даже слухи были систематизированы и индексированы – его аккуратность не угасла до самого конца.

Теперь по этим подземным путям бродила Освободительная армия. Не призраки – налетчики и убийцы. Порождение тьмы и безысходности. Если бы их деятельность ограничивалась грабежами, Лета давно их задержала. Но они поддерживали Спротивление, а Спротивление – их. По сути, банда Кадара стала боевым крылом назревавшего мятежа против Церкви. По агентурным сведениям, они торговали с бадавиями, обменивая монацитовый песок на свежие продукты – под землей на консервах долго не протянешь.

Лета вернулась к сводкам. Монацитовый песок – тяжелая, плотная фракция из серых дюн, радиоактивная из-за тория. Кто-то наладил его поставки в город. На реакторе из песка производили батареи и продавали бадавиям. Изотопные источники давали много тепла, мало электричества, но были долговечны и не требовали обслуживания. Они были опасными из-за излучения и проблемной утилизации. Город давно обещал провести бадавиям силовые линии, но мощности реактора не хватало, тогда как нейтронное излучение – ключ к производству батарей – было бесплатным. В этой схеме явно просматривались интересы контрабандистов

из подземелий. Если раньше Динмод почти открыто зарабатывал на этом, то теперь в бизнес вошел Кадар.

– Как глубоко вы зарылись, – сказала она пустоте комнаты, и эхо не ответило.

В глубине сознания откликнулось имя: Ликон. Она прогнала эту мысль как назойливого тушканчика. Погиб во время восстания – слово, которое она заставляла себя повторять, чтобы не произносить других: «исчез», «растаял», «укрылся». Он был правой рукой Кадара. Жрецом – не по званию, а по духу. Ее любовью, пока жизнь не разбросала их по разные стороны баррикад, оставив между ними пропасть шире пустыни.

Лета выдвинула нижний ящик стола, достала оттуда старую, потрепанную по краям карту района пустыни к северу от купола. В углу аккуратные пометки Динмода: «Северо-восточные каналы, караваны бадавиев. Лидеры: Сетер, Кронос, Конан. Обмен батареей по ночам. Координаты ориентировочные». Лета понимала: без бадавиев не обойтись. И если ударить сейчас, грубо и прямо, подполье просто уйдет глубже, как вода в песок. Нужно было перерезать экономические артерии: прекратить торговлю с бадавиями и отсечь банду от складов Динмода.

Связавшись с агентами среди бадавиев, она назначила встречу. Хотя те и не скрывали от соплеменников работу на Церковь, их сведения оставались ценными.

Встреча состоялась за кромкой города, там, где песок уплотняется перед куполом, а высокие обрывы образовывали глубокие карманы прохладной тени. Место называли Палец из-за вертикального столба из черного базальта, надломленного временем и почерневшего от пыли бурь. Лета пришла с двумя бойцами, что умели растворяться в любом рельефе, становясь частью пейзажа. Бадавии явились с десятком воинов, но только двое подошли ближе. Кронос – высокий, сухопарый, с лицом, иссеченным песками, в тугой повязке поверх маски; у пояса болтались помятые титановые фляги. Конан ниже, плечистый, с руками, которые помнили не только хватку ножа, но и долгий, упорный труд.

Они стояли молча, обращенные лицом к порывистому, настойчивому ветру. Для бадавиев молчание было естественным состоянием. Они воспринимали время не как непрерывный поток, а как дыхание, с паузами и задержками.

– У вас мало времени, – первой нарушила тишину Лета.

Конан махнул рукой в сторону далекого, мерцающего купола:

– Мы не ворует ваше время, генерал. Мы берем песок, отдаем пищу. От этого никому не становится хуже.

– Станет, – ее голос прозвучал резко, словно удар по камню. – Кадар крадет ресурсы у города. Он питает свои тоннели, а не пустыню. Вы лишаете еды своих детей ради того, чтобы кормить бандитов, и получаете взамен лишь грязные батареи. Город способен обеспечить вас чистой энергией.

Кронос горько усмехнулся, и в его взгляде промелькнуло презрение.

– Наши дети едят свежие корни и мясо, а не вашу синтетику. Кому от этого хуже? Вам? Вы пытались нас подчинить, но не сумели. Мы нашли тех, кто торгует с нами без лекций, налогов и угроз. А ваша чистая энергия – где она? Пока мы мерзнем, от вас только обещания о скором ремонте реактора. Кому на самом деле будет хорошо?

Лета повысила голос, в нем зазвенела сталь:

– Вы и правда думаете, что Кадар торгует без насилия? Верите, что он оставит вас в покое, если перестанете быть ему выгодны? Я видела его записи. Он уже решил после следующей бури перекрыть часть караванных путей. Для него вы расходный материал, цифры в отчете. Мы можем обеспечить вас энергией, но у нас не хватает рабочих рук. Вы могли бы помочь.

Лета достала из внутреннего кармана лист синтетической бумаги – списки, коды, схемы маршрутов, а в углу частично стертые, но читаемые слова: «Долина Хриса, после бури, заход на запад, зачистить две стоянки бадавиев как предупреждение». Лист поблескивал в косых лучах заката прямо перед лицом Кроноса.

– Кадар мыслит категориями прошлого, – продолжила она, не убирая руку. – Для него все бадавии – враги. Мы предлагаем союз.

– Наши люди это знали, – сказал Кронос тихо, в его голосе звучала не злоба, а усталая горечь. – Нужна была только буря, чтобы он решился?

– Ему нужна была лишь подходящая ночь, – ответила Лета, убирая бумагу. – И ваш страх. На этом он построил свою власть.

Кронос снова перевел взгляд на купол – огромный, холодный, сияющий вдали, как чужое солнце.

– Чего ты хочешь, генерал?

– Прекратите сотрудничать с Кадаром. Передайте мне его маршруты под Академией, выходы, складские ячейки. Я не трону ваши колодцы и проходы. Гарантирую честную торговлю. Город даст вам фильтры, ткани, металл, лекарства, обучение для детей. Вы будете входить в город законно, без страха. Сможете продавать нам еду, когда захотите. Налог будет фиксированным, а не произвольным, как у бандитов.

Конан усмехнулся, и в этой усмешке звучал скепсис, закаленный годами обмана:

– Значит, теперь кнут ваш?

– Нет. Правила наши, но мы не бандиты. Мы не исчезнем ночью и не нападём на вас из-под земли. Нам выгоднее иметь сытых соседей, а не голодных врагов.

Кронос и Конан обменялись долгим взглядом. У бадавиев такие взгляды заменяли слова – в них было взвешивание рисков, молчаливое обсуждение.

– Покажи еще раз его планы, – сказал Кронос.

Лета протянула лист. Она не спешила: в пустыне поспешность – путь к гибели. Она ровно дышала, слушая, как ветер перебирает песчинки, тербит ленты на повязке Конана, отбивает сухой стук бусин на ножнах его тепляка.

– Мы знаем три входа, – наконец сказал Конан, – они ближе всего к вашей Академии. Четвертый далеко, под старым литейным блоком. Мы видели, как туда шли нагруженные люди Кадара. Думали, несут нам, теперь ясно – себе.

– Дай координаты, – попросила Лета.

Кронос вынул из мешка свернутую карту. Бумага бадавиев пахла терпкими сухими травами, линии на ней напоминали обожженные нити. Он поставил четыре точки, провел тонкие, почти невидимые линии, отметил знаками два провала в городе и один вход, скрытый скалой. Лета сфотографировала карту на браслет.

– Условия просты, – продолжил Кронос. – Мы передали вам контроль над входами. Теперь ваша очередь сдержать слово: торговля начнется сразу. Но не торопитесь с зачисткой – дайте людям внизу шанс одуматься. Среди них есть женщины и старики, которых могут использовать как заложников. Мы знаем, что они там – некоторые из ваших же горожан поверили обещаниям Кадара. Кроме того, у него в плену находятся рабы, в том числе бадавии. Позвольте им всем выйти.

– Я не устраиваю бессмысленную резню, – уверенно ответила Лета. – Мне нужен Кадар и его люди. Остальные – ваша ответственность. Я даю слово. А вы?

– Бадавии не пишут бумаг и не скрепляют их печатями, как горожане, – ответил Кронос. – То, что мы говорим, и есть наше слово.

Лета подняла обе руки в жесте прославления Двуетного и одобрения. Пустынники зеркально отразили ее позу. Договор был заключен.

Бадавии ушли так же, как и пришли: растворились в тени за ветром. Лета смотрела им вслед и думала о разных дорогах: те, что ведут из пустыни, не похожи на те, что ведут под землю. И все же они пересекаются в точках выбора, подобных этой.

Вернувшись, она собрала своих «тихих бойцов». Это был отряд без опознавательных знаков, со слухом, способным уловить шаг на лестнице сквозь толщу металла, и с дыханием

тише, чем у бадавиив. Шестеро элитных разведчиков из разных Орденов, которых она тренировала лично. Подготовка включала выживание в условиях недостатка кислорода, еды, низкой температуры – как раз для подземных войн. У них даже не было имен, только номера. Она развернула перед ними карту с отметками Кроноса.

– Работаем парами, – сказала Лета, и ее голос звучал четко, как удар клинка о камень. Все вот на этом пяточке. – Она обвела круг на карте. – Первая группа держит вентиляцию. Вторая – литейный блок. Третья – сточные колодцы. Перекрываем связь. Вентиляцию держим на минимуме, но не глушим, иначе поднимется паника, и мы потеряем тех, кто нам нужен живым. Приоритет – Кадар и его ядро. Кто пойдет с ним – связываем, выводим. Оружие используем бесшумное.

Все шестеро номеров отсалютовали и пошли готовиться.

Лестница уходила в низкий, сырой коридор, выложенный плиткой, на которой еще угадывались следы старых молитв, нацарапанные во времена Голодной революции, когда вера была последним убежищем. Лета шла первой, прислушиваясь к дыханию подземелья: к каплям влаги, скрипу металла, далекому гулу вентиляции.

Ключевой ход спрятали не под лестницей, как сделали бы ленивые или неопытные. Он шел за панелью из шершавого синтетика, в которую когда-то влили изображение святого с закрытыми глазами, символ смирения и неведения. Лета провела ладонью по холодным векам. Панель с тихим шипением отступила на ладонь, и из щели ударил поток холодного, спертого воздуха. За ней открылся узкий проход в рост человека.

– Держи этаж, – прошептала Лета первому номеру не оборачиваясь.

Тень захватила напарника и растворилась в полумраке, став частью стены. Теперь они будут следовать за отрядом в качестве прикрытия.

На развилке царил глубокая тишина. На полу в слое пыли четко читались следы. Одни уходили вниз, к сточным колодцам, другие налево – к заброшенным учебным классам. Еще один поворот, и перед ними открылся зал, бывший некогда учебной комнатой для клириков. Теперь это было сердце подполья: грубые столы, на них – батареи из монацитового песка, опутанные проводами и шупами; какой-то самодельный прибор из разнокалиберных деталей. Пустые лежанки по периметру. На столе валялся нож с коротким, зазубренным клинком; у стены – фигурка из корня без лица, словно забытый идол. Лета взяла ее в руку, не понимая зачем. Дерево было шершавым, занозистым, но теплым, почти живым.

– Это один из их схронов, – тихо сказала Лета, опуская фигурку обратно. – Ставим сигнализацию. Должны быть другие лежища, там тоже спрячем датчики на объем и тепло. Рано или поздно они где-нибудь появятся, и тогда мы их накроем.

Глава 10

Не бойся бороться с чудовищами. Бойся стать одним из них.

Собрание воинов ближайших обителей растянулось по каменному амфитеатру, вырубленному в подбрюшьё склона. К утру ветер утих, и голос, отражаясь от стен, ложился на людей плотной, почти осязаемой волной. Отец Имбы стоял у края площадки, сдвинув на лоб потертую повязку, и говорил без лишней торжественности – ровно, размеренно, так, чтобы каждая фраза врезалась в память, как клинок в песок.

– Ученые Аванпоста подтвердили расчеты. Второй кислородный генератор и реактор можно поднять и переправить в Колонию, но не раньше, чем через три-четыре месяца. Наши батареи изношены, и нет тория для обмена с Церковью.

По рядам прошел сдержанный гул. Старшие молчали, сдвинув плечи, их лица были похожи на выветренные скалы. Молодые переглядывались, и в их взглядах мелькало нетерпение, приправленное тревогой.

– Совет Отцов принял решение начать разработку монацитовых песков. Это наш хлеб и наша кровь на ближайший год. Иначе темнота, голод и холод.

Имба, стоя в тени рядом с товарищами, сжал кисти до побеления костяшек. Слова отца ударили отрывисто, будто порывы бури, бьющие о каменный уступ.

– Проблема в том, – голос отца стал ниже, но от этого лишь весомее, – что все крупные россыпи монацита находятся в зоне контроля южан. Значит, прежде всего нужно очистить ближайшую Обитель, которая является их базой. Подготовка уже начата. Будет собрана сила, какой еще не видали эти пески, несколько сотен опытных воинов и около тысячи молодых. Каждая обитель востока прислала своих бойцов. Мы уйдем с рассветом.

Он замолчал. На мгновение в амфитеатре воцарилась тишина – густая, звонкая, что бывает перед бурей. А потом – будто лопнула натянутая струна – люди задвигались, зашумели, и крики командиров, резкие и властные, стали стягивать всех в узкие проходы, вырубленные в камне. Начинались сборы.

Имба не сразу заметил, что рядом возник отец. Тот просто сдержанно сжал его плечо, но в этом прикосновении чувствовалась тихая тревога.

– Ты идешь в рейд, – сказал он. – Не геройствуй. Твоя группа будет прикрывать тыл. Береги ребят.

– Я понял, – выдохнул Имба, и в этом выдохе было все: и долгожданное признание, и груз ответственности, и холодок страха, который он тут же загнал вглубь.

Он ждал этого доверия со дня появления в Обители. Весь день его мысли кружились вокруг дороги, вокруг деталей, которые нужно было учесть, чтобы все прошло правильно.

Переход занял два дня. Двигались медленно, растянувшись по барханам: старшие, седые от песка и опыта, шли впереди, задавая неспешный, мерный ритм. Молодые, в том числе и Имба, тянулись в хвосте колонны, с трудом сдерживая шаг, их ноги еще не научились этой древней, экономичной походке пустынников. К ночи отряд начал устраиваться на ночлег.

У бадавиев была нанопленка, как давно подозревал Имба. Она не только идеально хранила тепло, отсекая ледяное дыхание пустынной ночи, но и была газонепроницаема. Они вырыли в песке большую яму, натянули сверху это серебристое, почти невесомое полотно, а затем засыпали его края песком. Получилась надежная, невидимая с воздуха землянка. Поставили генератор кислорода, печку. Теперь стало понятно, почему патрули Церкви и их воздушные разведчики так редко замечали бадавиев.

Пока люди, теснясь в укрытии, ели скудный ужин и раскладывали походные мешки, Конан из Обители Посланницы рассказывал страшилки. Его голос звучал убежденно, почти навязчиво.

– Вы не понимаете, – говорил он, пожимая плечами. – Эти южане – они вообще не люди. Вы видели кого-нибудь, кто вернулся из сражений с ними? Вот и я не видел. Потому что не возвращаются. Их едят. Живьем. Со всем содержимым – с комбинезоном, с ИГК, с ремнями и зажимами. Проглатывают и перетирают изнутри. Кишки у них как наждаки, даже камень могут сточить. А сами деревянные. Я раньше жил в Обители Посланницы, но как увидел такое... ушел к Непримирымым. В пустыне нет дров. Думаю порубать химеры на хворост.

Молодые хихикали, стараясь скрыть нервную дрожь под маской бравады. Старшие слушали вполуха, не отрываясь от проверки оружия и подгонки ремней; они понимали, что этой блаженной болтовней Конан пытается успокоить юнцов, дать выход накопившемуся напряжению.

Имба же слушал молча. Из рассказа Конана на него пахнуло темным, липким страхом. Он украдкой скосил глаза на бадавию, сидевших чуть поодаль: их неподвижные, затененные капюшонами лица ничего не выражали, но в этой отрешенности была безмолвная угроза.

– Хватит языком трепать, – прервал их старший отряда, Кронос. Он держал на плече тяжелую, обтрепанную сумку, из которой доносилось тихое, почти механическое потрескивание. – Перебирайтесь сюда. Пора открывать секреты.

Бойцы собрались вокруг него тесным полукругом. Кронос опустил сумку на песок, и пыль поднялась легким облаком. Изнутри он извлек несколько пластиковых коробок, угловатых и невзрачных, с короткими антеннами. От них пахло машинным маслом, холодным металлом и едва уловимым запахом озона, как после грозы в горах.

– ЭМИ-генераторы, – сказал командир, держа один из приборов в руке, как нечто хрупкое и опасное. – Выдают импульсное магнитное поле. На большом расстоянии маскируют наш след, на близком дезориентируют южан. Принцип работы не знаю. Может, им нервы прожигает, может, песок в костях магнитится. Неважно. Главное: если южанин окажется в радиусе действия этой штуки, он замрет на несколько ударов сердца. Можете делать с ним все что угодно. Но батареи она жрет, как не в себя. На каждом генераторе заряд на десяток включений. Поняли? Не клацать лишний раз, берегите для особых нужд.

Он раздал тяжелые коробки старшим бадавиям. Те приняли их молча, с тем же почтительным безразличием, с каким принимали оружие.

На следующий день они подошли к месту, которое Кронос назвал гнездом. Песок здесь был странный – плотный, слежавшийся, будто его небрежно замесили с цементом и бросили застывать под палящим солнцем. Дюны не гуляли, как обычно, а прижимались одна к другой, образуя низкие, угрюмые холмы. Каждый шаг оставлял неглубокий, четкий след, словно в плотной шерсти.

Несколько опытных воинов, которых называли сканерами, уселись на колени на небольшом пригорке. Они закрыли глаза, опустили головы и положили ладони на песок, как бы слушая его пульс. Вокруг стало тихо, даже молодые воины перестали переговариваться, подавленные этой сосредоточенной тишиной. Имба стоял в охране вместе со своим отделением. Он осторожно переступал с ноги на ногу, чтобы не затекали мышцы, и внимательно вглядывался в марево горизонта, где небо сливалось с песком в дрожащей, золотой дымке.

Сначала был хлопок воздуха – глухой, отрывистый, как удар по пустому бочонку. В чистом небе появились огромные валуны. Они летели по крутым дугам, полет сопровождался низким, угрожающим свистом. Снаряды врезались в дюны позади отряда, разбрызгивая тучи мелкой крошки, и сами разлетались на куски с сухим, каменным хрустом.

– Метатели, – буркнул кто-то рядом, не отрывая глаз от неба. – Пристрелка.

– Вижу, – глухо откликнулся Кронос, его голос был спокоен, как поверхность глубокого колодца. – Рассредоточится. Конан, – он подозвал бадавия. – Возьму группу арбалетчиков и найди наводчика. – Следующие снаряды снова упали сзади, но чуть правее. – Косит. Он должен быть справа.

Конан поднял ладонь в знак понимания, и вместе с отрядом арбалетчиков исчез в дюнах.

Вторая волна снарядов прилетела гораздо ближе и быстрее. И вдруг из-за ближайших валунов выскочили десятки мелких, юрких созданий. Они были похожи на облепленных чешуей пеньки, корявых и быстрых. Пеньки начинали метаться, срывая чешую с собственных тел и швыряя ее с невероятной силой. Эти осколки летели с тонким, злобным свистом, уклоняться от них было очень трудно. Послышались короткие, сдавленные выдохи боли, когда снаряды били в плечи и бедра, звонко щелкали по шлемам, рвали одежду. Песок вокруг сканеров заплясал, оседая белесой пылью, похожей на крахмал.

– Стоять, – приказал Кронос, и в его голосе прозвучала сталь. – Сканеров не бросать.

Имба увидел, как опытные бадавии плавно встали в оборонительную цепь перед сидящими. Их длинные, изогнутые клинки завертелись в воздухе, создавая сверкающий барьер – они отражали поток чешуек, а затем, делая резкие выпады, разрубали прыгающие пеньки пополам. Ему захотелось рвануть туда на помощь, но у него был другой приказ: охранять периметр. И он, стиснув зубы, сдержал свой порыв.

Он даже не сразу осознал, откуда пришла настоящая угроза. Песок под ногами вдруг вздулся, как жирная, пузырящаяся каша, с глухим хрустом треснул, и из темных трещин полезли твари. Они напоминали крокодилов с рисунков в школьных учебниках, но только на длинных, сухопарых задних ногах. У них не было кожи, лишь голые клыки и костяные шипы, торчащие во все стороны, словно их вырастили из одних лишь зубов и ненависти. В их узких щелевидных глазах плясал тусклый свет, лишенный всякого разума. Они вылезли наверх резкими, пружинистыми рывками и кинулись одновременно и на охрану, и на неподвижных сканеров.

– Слева, – выкрикнул кто-то, но голос тут же утонул в нарастающем гуле битвы, в лязге металла и хрусте костей.

Имба среагировал, как учили долгими часами тренировок. Он инстинктивно вывернул корпус, подал клинок вперед плавным, точным движением, и тот послушно вошел в узкую, незащищенную зону между костяными шипами атакующего чудовища. Кистью он направил удар, плечом задал нужный угол, и сталь потекла внутрь, пронзая зловонную, разверстую пасть. Тварь, не понимая, что случилось, попыталась рвануться вниз, но клинок уже прошел сквозь ее шею. Раздался сухой треск, похожий на звук падающего в лесу дерева. Химера дернулась в конвульсии, нелепо махнула длинными задними лапами и сползла обратно в песок, забрызгивая его густой, черной, маслянистой жидкостью.

Вторая была быстрее. Она поднялась с другой стороны, так близко, что в лицо Имбе полетели песчинки, скрипнувшие на зубах. Он не успел развернуться и ушел вбок, поскольку времени вытащить клинок из первого тела уже не оставалось. Тварь резанула шипастой, когтистой лапой, зацепив его плечо. Ярко вспыхнула боль, но тут же потухла, как лучина, задыхающаяся без кислорода. Он отступил на полшага, нащупал пяткой камень, поймал шаткое равновесие.

– Назад от сканеров! – крикнул Кронос, но его команда уже захлебывалась в общем хаосе – вокруг каждый кричал что-то свое, и все голоса сливались в один неразборчивый, оглушительный шум.

Имба, стиснув зубы, выдернул клинок из шеи первой химеры с мокрым, неприятным звуком. Краем глаза он увидел, что ударить вторую не успевает – она уже готовилась к новому прыжку. Воин подкинул меч в воздух, уклоняясь от нападения, и тут же поймал его обратным хватом, рубанув ускользящего противника по корпусу. Сталь проскользнула по твер-

дой чешуе с пронзительным скрежетом, не причинив нападающему видимого вреда. Чудовище развернулось на месте и прыгнуло снова, разинув пасть, от которой пахло гнилыми грибами.

На этот раз Имба не отскочил, а сделал короткий шаг навстречу, выставив клинок перед собой, как копьё. Лезвие с силой вонзилось в верхнюю челюсть твари и вышло наружу у самого затылка. Не выпуская меч, Воин рванул его на себя, взрезая плоть по всей длине и разбрызгивая вокруг фонтаны черной, липкой жидкости. Химера беззвучно обмякла и тяжело рухнула на песок.

Имба отступил на шаг, прижал руку с мечом к телу и ощутил, как она предательски дрожит от напряжения. На губах стояла горькая, едкая смесь песка и крови – то ли чужой, то ли своей, он уже не различал. Он сглотнул, но горечь не уходила, въедаясь в самое нутро. Глаза его лихорадочно искали в клубящейся пыли следующую цель, но вокруг остались только дергающиеся в судорогах тела тварей. Тишина, наступившая после схватки, была густой и звенящей, нарушаемой лишь тяжелым дыханием воинов и тихим стоном раненых.

– Все живы? – прозвучал голос Кроноса, пробиваясь сквозь затихающий гул.

– Все, но есть раненые, – отозвался кто-то сбоку сдавленным и усталым голосом.

– Сканеры, – напомнил командир, и в его тоне не было вопроса, только приказ. – Держать оборону.

Имба оглянулся, автоматически оценивая расположение бойцов. Он медленно вернулся на свое место в цепи. Дыхание постепенно успокаивалось, переходя с частых, прерывистых вздохов на более глубокий и ровный ритм. Он машинально снизил подачу кислорода на своем ИГК, удивившись, когда успел в пылу схватки выкрутить регулятор на максимум. И сразу, как будто в ответ на это осознание, рана на плече вспыхнула жгучей, настойчивой болью. Кто-то, проходя мимо, слегка постучал костяшками пальцев по его шлему в молчаливом знаке одобрения. Имба хотел кивнуть в ответ, но вместо этого на его губах неожиданно дрогнула нервная улыбка от сброшенного напряжения.

Вернулась группа Конана. Они шли легко, почти небрежно, но Имба сразу заметил темные масляные пятна на их потертых комбинезонах, такие же, как и у него.

Конан доложил Кроносу:

– Наводчика не было, они сами пуляли, как бог пошлет. Нападения не ждали, охранения не выставили, мы всех их порубали. – Он мельком глянул на груды мертвых химер, уже начинавших медленно уходить в песок. – Как сканеры?

– Они в трансе, – ответил Кронос не оборачиваясь. – Их не тревожили.

– Это хорошо, значит, путь найдем.

Все замерли в ожидании, не решаясь нарушить сосредоточенность сканеров. Те сидели неподвижно, с закрытыми глазами. Наконец, первый из них пошевелился. Медленно, будто пробиваясь сквозь вязкую воду, он поднял голову. Он осмотрелся, увидел черные пятна крови на песке, дернул уголком губ в едва уловимой гримасе, но ничего не сказал. Вслед за ним поднялся второй. Третий задержался дольше всех, потом и он распрямил спину, откинул назад влажные от пота волосы и выдохнул долгим, сдавленным стоном.

– Нам туда, – сказал первый сканер, подняв руку. Рука его мелко дрожала от усталости, но указательный палец был вытянут твердо и ясно – вдаль, туда, где из склона дюны торчали кристаллические отложения перхлоратов. – Там не меньше трех жил. Сеть гифов густая, отростки по этому краю, – он помедлил, словно сверяясь с внутренней картой, и прочертил в воздухе воображаемую линию. – А здесь слабее. И далее, – он снова указал, на этот раз более определенно, – главный узел, сердцевина.

Несколько дней они шли к предполагаемым зонам грибницы Субстрата, указанным сканерами. Марс рассыпался под ногами хрустким, вездесущим песком, скрипел на зубах, всасывался в мельчайшие щели комбинезонов, забивал фильтры ИГК тонкой пылью. Несколько раз

за день отряд останавливался, сканеры ложились на холодный грунт, прикипали к нему ухом и указывали новое направление – влево на пять градусов, затем правее и глубже. Субстрат, казалось, был одной сплошной ловушкой, и его невидимые гифы, пронизывающие почву, сбивали все ориентиры, словно дразнили их, уводя в сторону.

Почти на каждой остановке из песка вылезали химеры – серые, ломаные, постоянно меняющие свои пропорции. То вытянутые, как шесты, то приземистые и широкие, как валуны. Они не издавали боевых кличей – просто шли, подчиняясь команде, родившейся где-то вне их тел. Каждый раз они стремились врезаться в плотный строй бадавиюв, чтобы перегрызть, сломать, разорвать все, до чего могли дотянуться. Каждый раз их отбрасывали разрывными болтами арбалетов и отточенными клинками, но они нападали снова и снова, неутомимые, как ветер пустыни.

И, как ни странно, каждый раз Имба оставался без единой царапины, и не потому, что кто-то его прикрывал. Сам Субстрат будто не замечал его, скользил по нему взглядом, как по пустому, ничем не примечательному участку песка. Он заметил это на второй день, но списал на случайное везение. На третий счел странностью, о которой не сто́ит говорить вслух. А когда на очередной короткой, яростной схватке он резко двинулся вперед и ударил очередную уродливую тварь, сразу три ближайших химеры резко переменили цель и кинулись именно на него. Имба отступил, обрубил ближайшей костяную «шею», и волна на секунду отхлынула. Он замер, наблюдая. И снова – пока он не трогал их, они словно проскальзывали мимо, игнорируя его присутствие. Сто́ит нанести удар – и они набрасывались всей стаей.

– Я заметил странное поведение химер вокруг тебя, – сказал после схватки Кронос. Он чистил ИГК, вытряхивая золу и мутную воду, параллельно наблюдая за Имбой с подчеркнутой невозмутимостью. – Пока ты не наносишь вред, они на тебя не выпадают. Будто не видят.

– Да, – согласился Имба, не зная, что добавить.

– Видимо, ты для них пустое место, – задумчиво протянул Кронос, и в его голосе прозвучала не насмешка, а холодный расчет. – Этот дар надо использовать. – Он прикусил губу и что-то выплюнул. – Имба, ты слишком хороший воин, чтобы ходить в караваны. В тебе есть какая-то неукротимость и лидерские качества. Думаю, тебе надо к Непримирым.

– Кто это такие?

– Профессиональные воины, передовой отряд защиты. Я передам им мое мнение.

На четвертый день Кронос позвал его на совет старших воинов. Все собрались в низком, естественном котловане между двумя высокими дюнами. На горизонте уже клубилась буря, нагоняя свинцовую пелену, но в этой укрытой котловине можно было ее переждать. В тесном кругу стояли Кронос, двое командиров звеньев с лицами, изрезанными шрамами и ветром, женщина-медик с уставшими, но острыми глазами, и старик-хранитель запасов, чей взгляд был всегда неприветливым и подозрительным. На земле между ними лежал какой-то большой, угловатый агрегат, покрытый плотным, пыльным чехлом.

– Где-то поблизости бродит Особь, – начал Кронос без предисловий, как будто продолжая давний разговор. Он говорил быстро и четко, будто торопил не людей, а само неумолимое время. – Не просто химера, а *управляющий*. Он связывает южан в единое целое, ведет разведку, адаптируется к нашей тактике. И пока он жив, мы не сможем далеко продвинуться. Не то, что добывать монацит.

Женщина-медик поморщилась, отпихивая носком тяжелого ботинка комок слипшегося, влажного песка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.